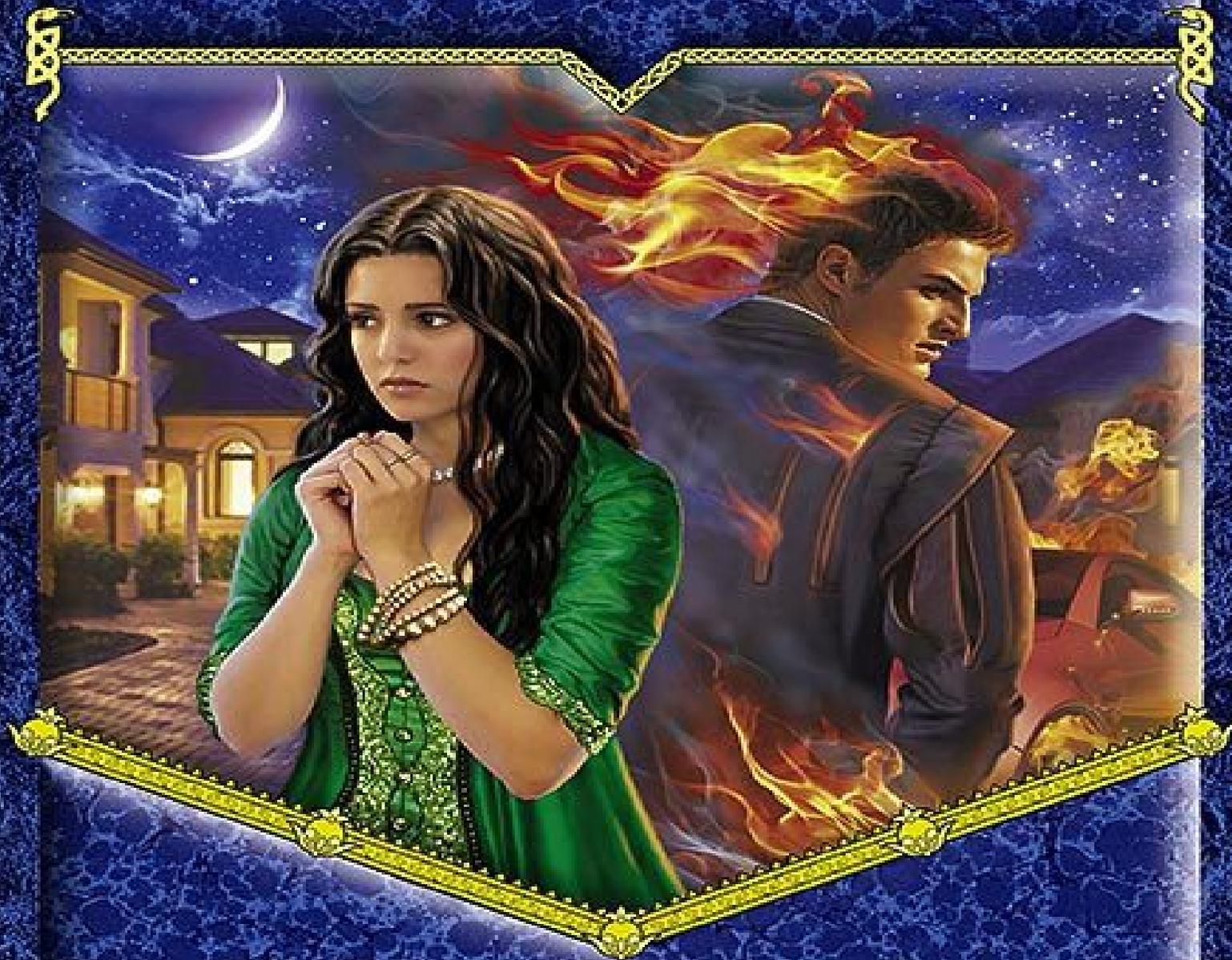

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ульяна КАРШЕВА

ОБЕРЕТ ДЛЯ
ОГНЕННОГО МАГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Студентка факультета универсальных ведьм Алекса — очень занятой человек. На ней забота о трех сестрах и братишке и о доме в пригороде. Она отличница магического корпуса — «ботанка», как снисходительно называют ее одногруппницы.

Но ее привычная жизнь однажды вовлекается в вихрь непонятных, а иной раз поразительных событий: она теряет лучшего друга, неожиданно для себя становится подругой университетской спортивной знаменитости; обнаруживает в сумке булавку с любовным приворотом от того, на кого бы не подумала; оказывается приглашенной в замок известных прорицателей, где ей приходится убегать от таинственного чудовища, которое может жить лишь в полном мраке; узнает семейные тайны потомственных магов из знати. Череда предательств, открытий, боли, привязанностей... И всегда рядом предатель и верный помощник, которого она от всего сердца ненавидит, но к которому, кажется, постепенно начинает привыкать.

Ульяна Каршева

Оберег для огненного мага

Глава 1

Специально оставленный просвет между шторами дал возможность весеннему солнцу заглянуть в спальню и осторожно коснуться щеки спящей девушки. Когда луч ласково дотронулся до века, она сонно зажмурилась, не открывая глаз, села на постели и хрипловато пробормотала:

— Привет, Алекса. Подъем!

Открыла глаза и, повернувшись и спустив ноги, снова поздоровалась с собой, отраженной в зеркале шкафа:

— Алекса, надеюсь — доброго утра!

Пару секунд посидела, качаясь, глядя в зеркало и не видя его, а потом слетела с постели — и утро началось!

Распахнула окно в сад — и вдохнула запахи пробуждающегося весеннего дня: свежие ароматы последнего, все еще тающего снега, несмело проглядывающей земли с робко торчащей на ней травой. Услышала хулиганский пересвист синиц и галдеж галочьей стаи... И — понеслось! Умылась, влезла в длинную широкую юбку, застегнула пуговицы на блузке, сунула ноги в старые туфли на высоком каблуке — спецобувь для утренней побудки! Метнула взгляд на сумку с учебниками — надо же, с вечера приготовила! Хоть об этом сейчас можно не думать! Оглянулась: две большие кошки, рыжая и разноцветная, деловито влезшие в окно, уже успели устроиться на постели при подушке — пока местечко не остыло. Улыбнулась им, замурлыкавшим, глядя на нее, и выскочила из комнаты. Сбежав по лестнице в зал первого этажа, Алекса затем ворвалась на кухню, поставила большой чайник и кастрюлю с кашей, сваренной вечером, греться на плиту и помчалась назад на второй этаж.

— Девочки, Люк, подъем! Быстро встаем! Быстро!

Она по очереди заходила в комнаты сестер, а затем и брата и сдергивала со всех одеяло, вызывая тем самым протестующий вопль или жалобный стон. Безжалостно чеканя каблуком шаг, она снова отходила к двери и оттуда говорила командирским тоном:

— Дэйзи, если не встанешь — приду с водой! Вылью на тебя и на постель!

— Джесмин, если не встанешь — приду с водой...

— Люк, если не встанешь...

— Эмбер, если не встанешь...

И только в последней комнате Алекса подошла к постели и ласково откинула одеяло с сонно моргающей на солнце малышки лет пяти в длинной ночнушке с кружевами и помогла ей сесть.

— Ну что, лапочка Венди, выспалась, проснулась? Пошли умываться, Венди?

Она успела умыться девочку, одеть ее, и вместе они спустились в столовую, где Алекса усадила племянницу на высокий стул перед столом и поставила перед ней тарелку с кашей. Пока девушка быстро накладывала кашу по другим тарелкам, одновременно мимоходом черпая и себе ложкой из кастрюли, спустились остальные. Самая старшая из сестер, Эмбер, наклонилась над дочерью и чмокнула ее в макушку:

— Привет, Венди!

Малышка приветственно взмахнула ложкой, и в столовой раздался визг Эмбер, получившей от дочки по лбу. Деловито, словно ничего особенного и не произошло (впрочем, а что произошло из того, что отличало бы это утро от всех остальных?), Алекса схватила

старшую сестру за подбородок и быстро оттерла полотенцем потеки каши с ее лица под здоровый смех Венди.

— Эмбер, садись и ешь кашу!

— Надоела твоя каша до смерти! — раздраженно сказала Эмбер, отбирая полотенце и подходя к зеркалу между окнами.

— Не нравится — вари сама что хочешь, — привычно огрызнулась Алекса и обернулась к остальным сестрам и братишке. — У вас пять минут на все про все! Быстро все съесть — и бегом на улицу! Мэтти сказал, что он из-за нас всегда опаздывает и поэтому сегодня ждать не будет! Опоздаем — будем добираться на своих! Меня все поняли?

— А может, в школу сегодня не ходить? — с надеждой спросила Дэйзи.

— Ой, а правда, давайте прогуляем! — обрадовалась Джесмин.

— Заколдую — будете ходить, как солдаты в армии! — машинально от частого повторения предупредила Алекса.

— Нас заколдовать нельзя! — обиженно встрял Люк.

Он набрал ложкой слишком много жидковатой каши, и часть жидкости, не удержавшись, смачно капнула на его школьную форму, тут же размазавшись донизу по всему пиджачку. Малышка Венди при виде такого безобразия снова фыркнула от смеха и обрызгала только что положенной в рот кашей не только себя, но и своих соседок — Джесмин и Дэйзи. Те взвыли от неожиданности. Эмбер быстро подошла к Венди протереть ей рот, а заодно оградить от воплей обозлившихся сестер. Алекса деловито раздала сестрам салфетки и в очередной раз напомнила, что ее друг Мэтти, который каждое утро отвозит их в школу, в детский сад, на работу и в университет, сегодня не собирается никого дожидаться. А потом встала во главе стола, торопливо доедая кашу и следя, чтобы за столом больше не было никаких неприятных казусов.

Господи, быстрее бы вернулись родители, уехавшие к бабушке с бабушкой на юбилей их свадьбы! Недели не прошло с их отъезда, а у нее уже сил никаких не осталось! И Алекса еще завидовала родителям, что они так спокойно живут?! Маме хорошо, часто думала она: сидит дома, где делать, в сущности, нечего, командуй только детьми — и все! А тут вон что, оказывается! О-ох...

Четыре девочки и мальчик семейства Коллум были и похожи друг на дружку — и не похожи. Если старшие отличались темно-русыми волосами, то младшие: Дэйзи, Джесмин и Люк — постепенно светлели. А малышка Венди, с которой Эмбер вернулась в родительский дом после развода, могла гордиться почти белыми кудряшками. А еще у старших сестер черты лица были более жесткие, а у младших мягче. Алекса признавала это и решила про себя, что эта жесткость появляется с годами. Эмбер, например, совсем взрослая, что естественно, ведь старшая. Хотя с утверждением о ее зрелости наблюдавшая за нею Алекса могла бы поспорить: ей все казалось, что старшая сестра ведет себя слишком легкомысленно.

Самой Алексе частенько приходилось брать на себя заботу о младших, которые ходили в разновозрастные классы общеобразовательной школы и три раза в неделю дополнительно посещали школу магии и колдовства. Алекса часто думала, что лучше бы они, как некоторые, выбрали музыкальную детскую школу или художественную. Ей казалось, что, например, сестры появляются в школе магии, чтобы покрасоваться там и наболтаться вволю. Во всяком случае, их конспекты представляли собой неудобочитаемый вариант ее собственных конспектов из далекого прошлого. Зная до сих пор свои школьные лекции наизусть, Алекса

тем не менее не могла разобрать почерка сестер, когда пыталась проверить, в самом ли деле они были на занятиях, а не гоняли собак на улице, по выражению отца.

— Быстро на крыльцо! — велела она, выпроваживая сестер и Люка из столовой. — Мэтти приехал! Слышите? Быстро!

— Хватит командова-ать! — проныла Джесмин, которая в панике озиралась, вспоминая, где посеяла помаду.

Раздраженный долгим ожиданием Мэтти снова просигналил, и Алекса запаниковала, уже буквально выпихивая свое «семейство» на улицу. Щебечущие младшие побежали по дорожке к калитке, причем Алексе пришлось схватить не только свою сумку, но и благодушно поглядывающую кругом Венди. Эмбер все еще красила губы перед зеркалом в прихожей. Алекса, добежав до машины, оглянулась: Эмбер не торопилась, прекрасно сознавая, что теперь, когда Венди на руках Алексы, Мэтти никуда не уедет без нее, опаздывающей.

— Привет, — заискивающе сказала Алекса Мэтти, высунувшемуся из окна машины. — Прости нас, пожалуйста.

— Садитесь быстрее, — буркнул Мэтти. — Алекса, может, мне приехать пораньше? Вытаскивать вас самому из постелей? Эй, кроха, улыбнись мне!

— Дядя Мэтти, меня крохой не называют, — сказала Венди, расплываясь в улыбке, и потянулась к нему ручками. Алекса еле успела отодвинуться от окна, чтобы она не вцепилась в опущенное стекло.

— Садитесь, — снова раздраженно повторил Мэтти.

Алекса оглянулась, заметив, что он глядит мимо нее. Так, Эмбер идет. Даже не торопится.

Вчетвером, с малышкой Венди на коленях, они загрузились на заднее сиденье, а Эмбер, как старшая, села рядом с водителем. Сначала завезли сестер и братишку в школу, благо та находилась неподалеку. Потом оставили в детском саду Венди за зданием той же школы. И наконец, Эмбер вышла рядом со швейной мастерской. Слава богу, их корпус университета по некоторым причинам располагался в том же пригороде, где живет Алекса!.. Машина тронулась с места, и Мэтти спросил у Алексы, пересевшей к нему:

— Долго еще ваши родители будут в отъезде?

— Дня три, — вздохнула она.

— И что — теперь из-за своих вообще никуда? Мы ведь договаривались...

— Я помню, Мэтти, — поспешно сказала Алекса. — Попрошу Эмбер посидеть вечер с девочками, она согласится.

— Ты что?! Сидела у нас за спиной и не слышала, что она сказала? Она тоже приглашена на праздник к Винтерам! Дочка Винтеров — ее однокурсница!

Эмбер университет не окончила. Выскочила замуж на третьем курсе и сразу родила Венди. Была такая любовь! Только вот испытания бытом любовь не выдержала. Молодому мужу пришлось найти работу, чтобы содержать дом и семью. Его родители помогали, чем могли, но Эмбер... Ей стало скучно. И чтобы развеять скуку, она начала устраивать скандалы мужу, едва тот задерживался на пару минут дольше обычного. Алекса этого понять не могла, но такая малость, как скандалы, вернула Эмбер домой. Родители только вздохнули, но дочь приняли. Венди помирила с возвращением Эмбер всех: всегда очаровательна, как само солнышко, она умела найти повод для смеха, а глядя на нее, смягчались все. В университет Эмбер не смогла вернуться. И так небольшие, способности к магии за пару лет без учебы исчезли совсем. Впрочем, Эмбер не расстраивалась. Руки у нее были золотые, что ценилось

не меньше, чем умение колдовать.

Алекса вздохнула:

— Попробую уговорить сестер посидеть с Венди, тогда они точно никуда...

Мэтти даже рассмеялся:

— Угу! А то я твоих сестер не знаю! Будут они сидеть с малышкой!

— Мэтти, не смейся! Я придумаю что-нибудь! Правда!

Мэтти уже улыбался, и Алекса решила, что он отошел от раздражения.

Парень старше курсом ей очень нравился. Алекса не чувствовала к нему такой сумасшедшей любви, какая была у Эмбер с ее женихом, но полагала, что это и к лучшему. Значит, чувство будет крепче. А Мэтти... Он такой красивый! Высокий, светловолосый, обычно всегда улыбчивый. Улыбка его и очаровала Алексу, когда он только раз взглянул на нее во время одного из студенческих праздников. Очаровало и то, что, несмотря на ее сумасшедших сестренку и братишку-зануду, он продолжал спокойно относиться к самой Алексе, хоть ее младшие порой доставали его очень сильно. Лишь один раз он спросил:

— Ты уверена, что среди вас Эмбер, а не ты старшая?

Алекса тогда от неожиданности засмеялась и уверила его, что она и впрямь вторая по старшинству. Правда, его замечание заставило ее постоять перед зеркалом, вздыхая: да, пусть Эмбер и старшая, но выглядит интереснее, чем она — не слишком высокая девица, вечно одетая в одно и то же (Алекса считала удобным так ходить на занятия — почти форма!), без грана косметики — лишь губы подкрашивать приходилось иногда; лицо простое, без ярких черт, глаза чистого серого цвета, носишко обыкновенный, да и темные волосы собирала всегда в хвост.

Раздолбанная, старенькая машина Мэтти подъехала к университетскому корпусу и втиснулась в один из машинных рядов. Не успела Алекса, открыв дверцу, выйти, как услышала:

— Эй, в колымаге, а ну, брысь отсюда! Это наше место!

Девушка все-таки вышла и, бросив взгляд на насупившегося Мэтти, ответила:

— Валите отсюда сами, маникюрщики! Это место всегда было нашим!

— Алекса, не надо, — негромко сказал Мэтти.

— Мэтти, прекрати! — рассердилась Алекса. — Один раз уступишь — эти маникюрщики так и будут этим пользоваться. Выходи. Ничего они машине не сделают.

Маникюрщиками обзывали в университете студентов из богатых семей, с чего-то возомнивших себя на особом положении. По законам, в университете должна была царить демократия. В реальности все происходило несколько иначе. И сейчас Мэтти беспрекословно подал машину назад, чтобы выбраться из ряда и отъехать подальше. Растерянная Алекса, оставшаяся на месте, — не успела сесть, взглянула ему вслед, потом на радостно гогочущих молодчиков, которые готовились на своей машине влезть в освободившееся пространство. И поняла: если она сейчас не выплеснет... И встряхнула кистью на место, где только что стояла машина.

Гогот смолк. Уже спокойная Алекса осмотрела асфальт. Травы, вызванные снизу, его буквально взорвали. И лишь после осмотра не спеша пошла к машине Мэтти. Молодчиков она не знала. Даже с какого они факультета. То, что богатенькие, — видно сразу: и по манере одеваться, и по машинам, и по поведению. Но утро уже настроило ее на боевой лад. И даже сиюминутного выброса силы было маловато.

Поэтому она подошла к хмурому Мэтти, пристроившему машину с края, и спокойно

сообщила:

— Я за корпус огневиков.

Он, не оборачиваясь, скосился на молодчиков, которые в прострации стояли перед свободным, но — увы! — недостижимым местом для машины (все ясно — первый курс!), и кивнул. Она поняла его: им двоим еще учиться здесь. А мало ли с кем встретишься в университете. Может, потом и по жизни придется сотрудничать. Лучше не сталкиваться в лоб. Плохо, что они еще ее запомнят...

За корпусом огневиков начинался громадный овраг, больше всего похожий на каньон. Появился он стараниями тех, кто учился сбрасывать здесь ненужную силу, появлявшуюся в результате негативного настроения. Алексу сейчас даже преподаватели ругать не будут, если она опоздает. Сразу поймут, что сбрасывала негатив. Поэтому она и пошла неспешно, выпрямив спину. А как иначе? Прорвет сразу, если не будешь концентрироваться на удержании растущей разрушительной силы.

На первую пару, как и ожидалось, опоздала. Конец первого часа проболталась в коридоре второго этажа, то и дело подходя к окну и размышляя обо всем подряд. Время от времени составляла в уме список, что надо будет купить домой на обратном пути. И повторяла конспекты, что выучила наизусть еще дома. Ботаник же...

Пока ждала перерыва, рассеянно успела обменяться неприязненными взглядами с теми самыми молодчиками-маникюрщиками. Откуда они появились, так и не поняла, но они сели за стол в рекреации, рядом с дверью в библиотеку, и усиленно пытались подколоть ее, исподтишка посылая к ней небольшие порции силы, которые при соприкосновении с их целью превращались в мелкий, но надоедливый огонь. Личная защита девушке помогала плохо при ее глубокой задумчивости. Наконец Алекса вышла из раздумий, и до нее дошло, что эти трое — огневики-первокурсники. Она закатила глаза и ответила на их подкалывание, легко открыв на расстоянии пожарные краны над столом. Ошарашенные первачи, мокрые, всполошенными из-за внезапного дождя курицами сорвались с места и смылись куда-то. Сушиться, наверное. Алекса со вздохом понадеялась, что их не будет до конца часа.

И снова отвернулась к окну.

Шаги за спиной спустя несколько минут расслышала, но не оборачивалась, пока не сказали:

— Ты с факультета ведьм?

Алекса неохотно обернулась. Взгляд сначала скользнул по коридорным часам — ага, десять минут до звонка, потом сосредоточился на спрашивающем. Терпеть не могла этого вопроса. Ее факультет считался самым не востребуемым и никчемным...

Так, с этим типом надо бы поосторожнее. Отличница Алекса не обижалась на давно закрепившееся за ней в группе слегка ироничное определение «ботаник», она такой и была, в первый же год с головой окунувшись в учебу, но любую навязчивую информацию извне тоже приходилось запоминать и анализировать. Итак, этот смутно знакомый ей тип ассоциировался с какой-то опасностью. Вот только с какой? Ничего так, симпатичный даже, только выглядит каким-то туповатым и надменным. Взгляд упал на манжет слишком свободной рубахи странной расцветки в тонах от коричневого до желтого. Рисунок тоже был оригинальный — какие-то мелкие зигзаги или молнии.

Догадка появилась сразу, едва Алекса вспомнила, что сначала привлекло ее внимание в его одежде. Обшлаг рукава по краю махрился короткими черными нитками. Сжег. Ясно — огневик. Наверное, со старшего курса. Теперь, кажется, понятно, зачем он к ней подошел. Та

мелочь нажаловалась. Ладно, притворимся, что ничего не поняли.

— Да, ведьма, — и через секунду, не давая ему ответить, добавила любимую присказку брата, раздражающую всех не только дома: — И чё?

— Ты не соблюдаешь законы университета, — высокомерно процедила верзила. — Нельзя использовать магию в сугубо личных целях, особенно для мщения. — И, будто специально выдержав паузу, презрительно добавил: — И кто ты такая, чтобы вообще разговаривать с тобой...

— Любопытно, — оборвала его обозлившаяся Алекса, — почему я так была уверена, что ты произнесешь эту фразу? Спорю на что угодно: сейчас ты скажешь, что можешь совершенно спокойно выкинуть меня из стен университета, потому что твои родители какие-нибудь шишки, а мои...

Внезапно ее взгляд упал на его руку.

— У тебя рукав по шву распорот, ты знаешь? Вот, вот здесь... Хочешь — зашью? У меня нитки и иголка с собой...

Девушка прервалась, вытаскивая из сумки зазвеневший мобильник. Машинально отметила, что магическая защита телефона почти на нуле и нужна зарядка.

— Да, правильно, это Алекса. А кто это?.. Что-о...

Последнее слово она выдохнула, слепо глядя вперед и обходя пока еще только удивленного огневика, как неодушевленное препятствие.

— Когда это произошло?! Он жив?! Нет, ответьте мне немедленно! Он жив?! Сейчас буду!

Обещание совпало с университетским звонком с первого часа пары, но его Алекса уже не услышала, мчась по лестнице со второго этажа. Хлопнув входной дверью, вылетела на улицу и бросилась за угол корпуса.

Позвонили из общеобразовательной школы: Люк на перемене хулиганил и на лестнице дошалился — упал на ступени, стукнувшись головой. Его привели в медпункт, где выяснили, что сотрясения мозга, кажется, нет. В больницу отправлять не обязательно, но хорошо бы ему посидеть дома хотя бы день, а потому не могла бы Алекса приехать за младшим братом, чтобы забрать его домой?

Сложив два обстоятельства: нет сотрясения, но тем не менее братишке надо посидеть дома, Алекса по дороге на остановку представила все мыслимые и немыслимые ужасы. Воображение настолько оглушило ее, что она взвизгнула от боли, когда ей чуть не выкрутили руку назад. Но еще раньше она услышала за спиной рычание:

— Со мной так не обрывают разговор!

Слепая от слез, она заглянула в лицо, которого не видела, и выпалила:

— А мне плевать, как с тобой надо разговаривать! — и зарыдала от злости, беспомощно дергая руку и машинально пытаясь освободить ее. Впечатление, что кисть попала в каменный разлом. — Пусти! Мне некогда разбираться с закомплексованными мальчишками! Проблем и без них хватает! Пусти-и!

Камни внезапно пропали с онемевшей кисти, а было шмыгнувшая носом от облегчения Алекса в следующее мгновение ахнула, оказавшись на сильных руках. Пока она соображала, что происходит, одновременно поспешно вытирая слезы, неизвестный сделал несколько шагов куда-то в сторону. Звякнул сигнал открывающейся машины. Алекса снова почувствовала движение, а затем — землю под ногами.

— Садись, — грубовато сказали ей. — Куда тебе?

— Средняя школа, — заикаясь, сказала она, быстро вытирая мокрые от слез щеки и стараясь прекратить рев.

Взглянула: перед нею и в самом деле открытая дверца шикарной машины. Быстро, пока спаситель не передумал, села рядом с водителем.

— Здесь недалеко, три остановки. Спасибо!

— Не доехали еще, — угрюмо пробормотали рядом, — а уже благодаришь.

— Так за помощь же, — постепенно успокаиваясь, ответила она.

Хлопнули дверцы, она привычно застегнула ремень безопасности — машина разгонялась.

— Мне бы сейчас так быстро не доехать. Было бы дело не во время занятий — меня бы Мэтти подвез... Ой, теперь ты из-за меня сам опоздаешь, а то и пропустишь...

— Да по фигу... — все так же угрюмо сказали рядом. А потом помолчали и спросили: — Почему ты решила, что я закомплексован?

Алекса покосилась на верзилу. Он был абсолютно серьезен.

— Не обращайтесь на меня и на мои слова внимания, — вздохнула она. — Просто у меня представления кое о чем отличаются от привычных. Это от папы. Он считает, если человек грубой силой и давлением старается что-то кому-то доказать, значит, он закомплексован. Уверенному в себе доказывать ничего не надо. Ему и так хорошо, он же про себя все знает, так что на мнение окружающих ему наплевать... Ну, это папа так думает, а мне кажется, что он правильно думает... Ой, доехали. Спасибо!

Она выскочила, больше не обращая на спасителя внимания. Да какое там — не обращая! Просто сразу забыла о нем, прихватив подол широкой юбки, захлопавшей на ветру, и быстро поднимаясь по лестнице. Сумка моталась за спиной, мешая бежать, но Алекса ничего не замечала.

Оказавшись в фойе, она быстро огляделась.

— Алекса-а!

— Люк!

Зареванный пятиклассник Люк встал ей навстречу от стола дежурной и несмело пошел навстречу — знал, что старшая сестра в сердцах и шлепнуть может. Голова перебинтованная, на скуле припухшая царапина, наполовину закрытая пластырем. Но Алекса уже успокоилась, главное — живой! Подбежала к братишке, завидев за ним и опасно идущих сестреночек, наверное, дожидались вместе с ним, и склонилась к нему.

— Ну, все, все... Успокойся. Я здесь, и теперь все будет хорошо.

Он обнял ее за шею и снова разревелся, теперь уже явно от облегчения. Сестры тоже подбежали, схватились за плечи обоих, глаза тоже на мокром месте.

Алекса дала всем троим отреветься, а потом встала, подхватила Люка, благо малорослый, на руки и велела:

— Дэйзи, Джесмин — на уроки. А мы — домой. Развели болото...

Девчонки сумели улыбнуться и убежали. А Алекса вытерла слезы брату, прислонившемуся к ней щекой, и с длинным вздохом спросила:

— Расскажешь, что ли? По дороге-то домой?

Обернулась к двери и замерла. Тот, угрюмый, дожидался ее. Ее? Он не договорил? Или все еще хочет крутых разборок с какой-то ведьмой-недоучкой?

Как будто догадался.

— Пошли в машину, — тяжело сказал он. — Довезу куда надо.

Притаившийся на руках сестры Люк прильнул к ней еще больше. Испугался неизвестного? Алекса подвигала головой, будто погладила щекой его щеку, а когда брат взглянул на нее, тихонько сказала:

— Он меня привез сюда. Все хорошо. — И снова вздохнула.

Как ни странно, обычно быстро приходящий в себя после передрыг братишка в машине затих. Так, что Алекса, сидевшая с ним рядом на заднем сиденье, встревожилась: а хорошо ли его осмотрели в школьном медпункте? А вдруг его все-таки надо было везти в больницу? Но пригляделась к нему, привалившемуся к ней, и заметила, что он то и дело посматривает на их странного водителя. Алекса подумала даже, не пугает ли тот Люка своей угрюмой внешностью — братишка видел водителя в верхнем зеркальце... Когда машина остановилась в указанном месте, Алекса быстро выбралась и снова подхватила Люка на руки. Вышедший водитель взглянул на нее уже привычно недовольно, и девушка неловко сказала:

— Спасибо. Вы были так добры к нам, что я не знаю, как вас благодарить.

— Напой чаем, — неожиданно предложил он. — На пару я все равно опоздал, а пить хочется.

Алекса было открыла рот ойкнуть: а к чаю-то ничего нет! И вспомнила про заначку, спрятанную от сладкожек младших, чтобы выпечки хватило на полдник! Идти в университет сегодня уже не придется, значит, успеет напечь кексов до прихода сестер!

Кажется, ее сосредоточенное лицо навело странного благодетеля на определенные мысли, и он снова угрюмо сказал:

— Не хочешь — так и скажи...

— Нет-нет, — быстро сказала Алекса и виновато улыбнулась ему. — Зайди с нами. Я просто вспоминала, что у нас к чаю есть, а то неудобно только чай...

Он хлопнул дверцей, подошел к ней и взял на руки Люка, несколько против этого не возражающего. «А может, Люк побоялся возразить», — думала Алекса, отпирая калитку. Когда она пропустила огневика с ношей мимо себя, Люк внезапно сказал:

— А я тебя знаю. Ты Карей Тиарнак-младший. Мы с ребятами видели тебя на соревнованиях. Ты ведь играешь за «Саламандру»? Мы за твою команду всем классом болеем! А можно будет нашим сказать, что ты нам помог доехать до дома? — Кажется, теперь Люк сильно жалел, что из школы уехали раньше звонка с урока! Хотя глаза горели и прямо сейчас. — Так можно?

— Можно, — с каким-то недоумением ответил Карей.

А Алекса вспомнила, что они так и не представились друг другу, а теперь и представляться не обязательно: Карей слышал, как она назвалась по мобильнику, а Люка она несколько раз при нем назвала по имени... Обогнав его на тропинке, девушка заторопилась скорее открыть дверь, чтобы впустить в дом гостя с братом на руках. За спиной с возмущением услышала:

— А мне всегда хотелось, чтобы у меня был старший брат! Знаешь, как это тяжело, когда в доме одни девчонки? Ты представляешь — пять девчонок! И это не считая мамы! Ну вот как с ними жить?! И ведь ни одна из них не увлекается огненным баскетболом! А был бы у меня старший брат, мы бы ходили на все ваши соревнования! А как вы в прошлый раз «Драконов» здорово разгромили — они ведь слабаки, да?

— Наверное, — привычно тяжело ответил Карей, но уже с ноткой удивления, и Алекса аж затаилась, снова открывая ему с его живой ношей дверь, только бы Люк его не рассердил!

— Давай направо! — уже как знакомым, командовал парнем мальчишка. — Там у нас столовая! Алекса вкусные кексы печет, ты про чай правильно сказал, что надо попить!

Карей повернулся, на удивление громоздкий, но так мягко, как будто его качнуло волной. Алекса поразила этому легкому движению, а потом подумала: если он спортсмен, возможно, и впрямь должен так двигаться.

Пока он усаживал на стул Люка, Алекса быстро шмыгнула мимо них к плите. Поставила чайник на огонь, достала три чашки, припрятанную корзинку с кексами, все водрузила на стол, как и подставку для самого чайника. Помявшись некоторое время, а заодно прислушиваясь к бесконечной болтовне Люка о том, как он восхищен Кареем и какой Карей отличный игрок, девушка все-таки вставила в паузу:

— Карей, вы точно хотите чай, а не кофе?

— Спасибо, — медлительно сказал Карей. — Мне чай, пожалуйста.

Смутно представляя себе баскетбол: длинные фигуры прыгают с мячом, вкладывая его в корзину, Алекса подумала, не слишком ли все же Карей для такой игры... флегматичный? И тут же улыбнулась: Мэтти поживее будет.

Решившись больше не спрашивать, например, какой именно чай он хочет, девушка разлила всем уже настоявшийся липовый. И предупредила:

— Если чай покажется горячим, вот в этом чайничке холодная вода. Кипяченая.

Обрадованный Люк потащил ближе к себе сразу всю корзинку с кексами под предлогом, что собирается ухаживать за гостем. Впрочем, за гостем он и в самом деле ухаживал: быстро положил перед ним кекс и серьезно сказал:

— Даже не пробуй — ешь. Знаешь, как вкусно!

— Спасибо.

Алекса молчала, боясь рассмеяться. Карей, абсолютно спокойный, хладнокровно воспринял обожание маленького болельщика, хотя тот чуть в рот не заглядывал, пытаясь определить, понравились ли кексы, напеченные сестрой, этому великому человеку. За столом, впрочем, Люк болтал обо всем на свете, в том числе упомянул, что сестра собирается сегодня вечером идти на какую-то дурацкую вечеринку.

— У Винтеров? — бесстрастно уточнил Карей.

— У них, — удивленно подтвердила Алекса. — Нас пригласили туда с сестрой.

Люк вдруг остановил на мгновение взгляд на Карее и выскочил из-за стола так резко, что у Алексы мелькнула мысль: а может, братишка лишь притворяется, что совсем недавно ему было плохо? Додумать не дали. Карей обратил на нее тяжелый взгляд, к которому она начала привыкать, и спросил:

— У тебя парень есть?

Девушка не успела уследить за своим лицом, брови взлетели. Но ответила на этот раз настороженно. Кто их знает, этих университетских звезд? Может, они думают, что все ими восхищаются, а потому легко (пачками — вспомнила она насмешливое слово своих подруг) падают к их ногам, едва на них обратят благосклонное внимание?

— Есть. К Винтерам я иду с ним.

— Ладно, встретимся на вечеринке, — сказал Карей и поднялся со стула.

Люк успел вовремя и перехватил любимого спортсмена у двери.

— Карей! Карей! Напиши мне! Пожалуйста!

В руках мальчишка держал какую-то карточку. Даже издалека Алекса разглядела, что это фотография. Ничего себе... Оказывается, младший брат всерьез увлечен спортом. Или он подпал под общее помешательство на почве восхищения?

Карей не чванился, подписал, а перед тем как выйти, спросил у Люка:

— Ты и правда так думаешь про старшего брата?

— Пожил бы ты среди женщин, — солидно сказал Люк. Покосился на сестру, с усмешкой взглянувшую на него, и добавил: — Нет, с ними, конечно, хорошо. Но с братом можно по-мужски поговорить. С папой, например, не поговоришь — он уже старый и не понимает как надо. А старший брат... Эх...

Карей посмотрел на мальчишку как-то неопределенно и кивнул.

Она проводила гостя до машины, молча шагая рядом по плиточной тропке и пытаясь понять, будет ли он снова придирааться к ней из-за первокурсников, которых она шуганула. Но он тоже молчал, только иногда поглядывал на нее с высоты своего роста, будто удостовераясь, что она все еще идет рядом. Сел в машину и глядя уже вынужденно исподлобья, кивнул:

— До вечера.

— До свидания, — несколько удивленно сказала Алекса, сразу сообразив, что на вечере от его приглашения потанцевать отказаться не сможет. На правах знакомого он наверняка пригласит ее. На вечерах она хоть и бывала мало, но успела познакомиться с нравами, которые там царят. И была рада, вспоминая, что всегда там оказывалась под руку с Мэтти, надежным и знающим, что надо делать.

Она, задумавшись, стояла у калитки, пока не сообразила, что машина уже уехала.

Зашла в дом и не увидела Люка. Заподозрив его в намерении опустошить корзинку с кексами, быстро забежала в столовую. Но здесь оказалось пусто. Уже не спеша Алекса поднялась на второй этаж и осторожно открыла дверь в его комнату. Пока она размышляла обо всем подряд у калитки, Люк заснул в обнимку с подписанной фотографией Карей. Девушка вытянула из его вялых пальцев карточку, прочитала: «Счастливчику Люку, который упал с лестницы и сумел не сломать башку. *Карей Тиарнак-младший*». Фыркнула от неожиданной надписи и положила фотку на столик рядом с кроватью. Затем легла рядом, натянула на братишку одеяло и осторожно обследовала голову, проверяя пространство над ней. Нашла место с наиболее разорванным полем и принялась за работу. Ведьм-студенток целительству начали учить с прошлого года. И уж с чем, с чем, а с ушибами и кровоподтеками Алекса справляться научилась на раз.

Через полчаса она осторожно поднялась с кровати и вышла из комнаты брата.

В столовой заглянула в корзинку. Улыбнулась. Угощая своего любимчика, Люк забыл, что он сам любит шоколадные кексы. Даже странно видеть, что выпечка осталась... Алекса замерла. Вот оно! То, что заставит сестренку посидеть с малышкой Венди, пока старшие сестры будут развлекаться на вечеринке! Прямо сейчас она испечет огромное количество кексов, сварит их любимый компот и предложит сестренкам пригласить домой на сегодняшний вечер подружек! И за Люком присмотрят, хоть он теперь почти здоров, и за малышкой.

Алекса сбегала к себе, переделась и принялась за выпечку. Испечь кексы — дело нехитрое, главное — поколдовать над тестом. Из любого колдовства Алекса предпочитала детские песенки. На их мотив можно было петь что угодно, лишь бы слова были добрые и «вкусные». Вот и сейчас, замешивая тесто, она считала-напевала:

— Я в тарелку положу чашечку муки одну — это будет раз. А муку смешаю с чашкой сахарка, что тает, — это два. К ним добавлю малость соды, чтоб дышалось свободней, — это будет три. Вот сметаны чашка, полстакана масла — будет и четыре-пять. Все смешаю я опять. Будет мое тесто мягким и чудесным. Будут коржики и кексы из духовки пахнуть

интересно. А потом в корзинке радовать сестринок... — Алекса на последнем слове фыркнула и засмеялась. Чего не придумаешь, лишь бы в рифму хоть чуть-чуть попасть!

Под отличное настроение и тесто получилось отличным. Девушка быстро смазала формы и положила туда порции теста, добавив сверху изюминок, чтобы тесто стало похожим на улыбающееся лицо: младшие обожали такие нехитрые шутки. Все это, пока отмывала посуду, состоялось, и Алекса сунула противень в духовку. Сорок минут. Пора бежать в комнату. Перед тем как уйти из кухни, девушка поставила свой «таймер»: не моргая, глядя на кухонные часы, она подправила свой браслет из ракушек. Теперь время, наколдованное на браслет, заставит ракушки зашевелиться, если его хозяйка вовремя не вспомнит про выпечку.

И с легкой душой Алекса отправилась к себе в комнату, чтобы посидеть немного перед стареньким компьютером... Через полчаса она вздохнула, закрывая вкладки с огненным баскетболом. И ее брат считает, что это увлекательная игра?! Впечатляет — это да. Но ведь этот баскетбол, с позволения сказать, — сплошной риск для игроков!

Обычная игра, которая перестает быть таковой, едва игроки к середине первых пяти минут разогреваются. А потом... Потом площадка вспыхивает огнем. А игроки продолжают играть. Дальше вспыхивает огнем мяч — игроки продолжают играть. Зрелищно, ничего не скажешь... Но ведь это ужасно! Да и зачем такая игра нужна?

Игра, в которой игроки не только играют, но и защищаются от огня!

Она успела даже влезть в общую игровую статистику: были игроки со страшными ожогами, так что игра могла закончиться и тем, что в больницу попадали сразу несколько человек!

Алекса вдруг поймала себя на странной мысли: а если Люк прав? Если и в самом деле мужские разговоры — это не те разговоры, что с женщинами? Ведь Карей и ее братишка что-то же понимают в этом адском баскетболе? А она, как ни странно, нет. Не понимает, как можно с риском для жизни продолжать играть в ревущем пламени. Хватать горящий мяч, одновременно удерживая защиту от огня... Никогда она не думала об огневиках так, как сейчас: да они сплошные психи-самоубийцы!

Спускаясь на кухню, она вспомнила, что хотела еще посмотреть, почему фамилия Карей имеет приставку «младший». Он из знаменитой семьи? У него есть родственник-тезка? Или он тезка отцу?.. А потом пожала плечами: зачем? Зачем ей это выяснять? У нее есть спокойный и рассудительный Мэтти. И она не болельщица в такой азартной и опасной игре. Хотя... Надо признать, что в этой игре Карей совершенно преображается. Он становится быстрым. Нет, даже не быстрым — стремительным. И опасным.

Она снова недоуменно подняла брови, машинально беря прихватку и открывая духовку: кому-то же нравится смотреть эту игру. Но она... Зная теперь, что это такое, даже думать об огненном баскетболе не может без содрогания.

Закончив с выпечкой, она поставила в духовку заранее приготовленную кастрюлю с картошкой. Пусть запекается. Сегодня все по дому можно сделать не торопясь. А она, Алекса, сейчас сбегает в сад. Пока не забыла, надо зарядить магическую защиту для мобильного. Иначе тот сломается, как было уже трижды.

Снова накинув курточку, в которой ходила провожать Карей, она вышла с другой стороны дома, прошла по тропинке, выложенной плитками, до беседки.

Карей не был капитаном команды, как решила Алекса. Он был ведущим игроком, вспоминала она, спускаясь короткими лестницами к лабиринту, который сейчас, пока ветви стриженных кустов всего лишь загустели от почек, просматривался насквозь. За садом в

основном ухаживал глава семейства Коллумов, известный садово-ландшафтный дизайнер. Располагался их сад в весьма неровном овраге, и отец обыграл неровность, устроив кустарниковый лабиринт, а в его укромных местечках — множество беседок, на первый взгляд похожих на развалины старинного замка. В одной из беседок, напоминающей низкий портик, пряталась скамейка на двоих. Алекса любила это уединенное место за то, что здесь можно сидеть, работая с концентрацией внимания.

Добравшись до любимой беседки, Алекса постояла немного у колонны, глядя на землю, покрытую слоем прошлогодних листьев. Через месяц-другой здесь будут клумбы, полные пышных, ярких цветов. Стебли прошлогодних растений семейство Коллумов убрало еще осенью, а вот листья нанесло уже потом с соседних садов... Оглядывая будущее царство разноцветья, Алекса вспомнила, как Карей грубо дернул ее, бегущую, за руку. А если б вывихнул? Нет, она права. Он все-таки еще мальчишка, который плохо сознает свою физическую силу. И на его руках... Она вспомнила яркое впечатление, словно лежала на руках каменной статуи. И тут же фыркнула: зато теперь долго будет счастлив Люк, которого нес любимец всех мальчишек!

Она задумчиво присела на скамью, машинально крутя в руках пластик магической защиты для мобильного. Асфальт на университетской стоянке приведут в порядок быстро. Надо всего лишь со злости искалеченное пространство над ним привести в состояние покоя. Но... Кажется, теперь она сама будет с большим уважением относиться к магам-огневикам. Перед глазами снова возникла рубаша Карея и черный от сажи край манжета. Алекса вздохнула: теперь слово «вспылил» для нее всегда будет накладываться на картинку с манжетом. Карей вспылил не из-за нее. Сожженный манжет был давним. Зато понятно, почему парень такой медлительный. Он очень сильный огневик, если судить по ролику в сети. А значит, ему просто необходимо соблюдать ледяное спокойствие вне баскетбольной площадки.

Алекса мотнула головой. Она зря тратит время! Кажется, этот тип произвел на нее незабываемое впечатление, если она до сих пор вспоминает его... Фу-у... Забыть о нем! Вот-вот придут из школы сестры. Потом за ними появится Эмбер, а чуть позже надо будет идти в детский сад за Венди, а потом... Потом приедет Мэтти. Алекса улыбнулась. Правда, улыбка быстро сникла. Делать нечего, придется с собой прихватить старшую сестру, и поболтать наедине с Мэтти не удастся. Еще одна причина желать, чтобы родители вернулись побыстрее.

Положив пластик магической защиты на одну ладонь, прикрыв его сверху другой, Алекса сосредоточилась, собирая энергию.

Чтобы полностью переключиться, она вспомнила лицо Мэтти и тихо порадовалась, что он такой светлый и открытый. Надежный. У этого Карея даже лицо какое-то закрытое, а вот Мэтти... А еще у Карея странный взгляд, он постоянно смотрел на нее, словно примериваясь к ней...

Ой, а который час?

Бегом поднимаясь по лестницам к дому, Алекса снова вспомнила странного парня, чуть пожалев, что так и не зашила ему распоротый шов.

И выкинула его из головы.

...К званому вечеру у Винтеров, несмотря на суету и дела по дому, которые требовали ее внимания, она была готова раньше, чем Эмбер. Алекса даже успела принять школьных подружек младших сестер, которые обрадовались, что и им, как взрослым, можно устроить

вечеринку — на свой лад, конечно. Горы коржиков и кексов с кастрюлей компота заставили и сестренку, и их подружек просто возликовать. Девчоночья компания даже не стала возражать против пригляда за малышкой Венди, даже против налетов Люка, который то и дело таскал со стола вкуснятинку в свою комнату, где всю игру в командную игру на компьютере.

— Эмбер, ты готова? — в очередной раз заглянула в комнату старшей сестры Алекса.

— Алекса, ну почему ты такая нудная, — лениво протянула Эмбер. — В твои годы я была гораздо легкомысленней!

— В мои годы тебе не пришлось возиться с оравой младших, потому что твоя старшая сестра сбежала из города, собираясь устраивать новую жизнь! — усмехнулась Алекса, глядя, как сестра в очередной раз стирает помаду, не подходящую по цвету.

— Ой, да ты могла уже забыть об этом, — отмахнулась Эмбер. — Я давно дома, и пора бы тебе прекратить изображать из себя обремененную семейством почтенную матрону.

— Хм... Можно подумать, что твое присутствие дома что-то меняет в моем положении, — пробормотала Алекса и вкрадчиво спросила: — Значит, ты предлагаешь и мне начать жизнь легкомысленной особы? Интересное предложение. Почему бы эту самую жизнь не начать с самого утра? Например, не разбудить никого и легкомысленно сбежать на учебу в университет в одиночку?

— Эй, эй, эй! — возмутилась Эмбер, оборачиваясь от зеркала. — Мы так не договаривались! Тебе же несложно разбудить меня утром!

— Но ты же сама сказала, что надо быть легкомысленней, — насмешливо ответила Алекса, перекидывая сумочку с одного плеча на другое.

— Алекса, ты знаешь, что ты занудлива до ужаса? — скептически спросила сестра.

— Ну и в чем, по-твоему, мое занудство проявляется? В том, что мне хочется пошалить и хоть одно утро никого не вытаскивать из постелей? Хоть одно утро не видеть недовольных помятых физиономий?

— Еще одно слово про помятые физиономии... — пригрозила старшая сестра.

— И что?

Алексе надоело впустую препираться с Эмбер, и она открыла дверь из ее комнаты.

— Эмбер, пошевеливайся. Мы с Мэтти подождем тебя в машине.

— С Мэтти, — снова недовольно проворчала вслед сестра. — С Мэтти она подождет...

— Ты ворчишь, как столетняя старуха. Вот! — сказала Алекса и хлопнула дверью.

По дорожке от дома до машины Мэтти Алекса пробежалась легко, так, что самой понравилось. Новое платье, новые туфельки. Впрочем, туфельки не новые, но надетые лишь раз, так что не считается. Хвост она подняла и шпильками закрепила прическу, на первый взгляд казавшуюся небрежной. Мэтти такой прически у нее не видел. Интересно, понравится? Как хорошо, что не надо надевать что-то тяжелое вроде куртки: возвращаться сестры будут поздно вечером, когда слегка может и подморозить. А в машине Мэтти тепло!

Привычно усевшись сзади, Алекса оперлась на спинку сиденья Мэтти.

— Говорят, мужчине нравится, когда с обеих сторон от него под руку идут две красивые женщины, — улыбнулась она. — Мэтти, как, по-твоему, мы с Эмбер можем считаться красивыми женщинами?

— Я не знаток, — отозвался Мэтти. — Но что я сегодня под руку буду с двумя очаровательными девушками, меня радует.

— Ты льстец! — поддразнивая, удивилась Алекса.

— Алекса, разве ты не очаровательна? — поднял бровь Мэтти. — Разве Эмбер... — Он

замер, взглянув в окно. — Посмотри на свою сестру. Разве она не очаровательна?

— Эмбер всегда очаровательна, — усмехнулась девушка. — Особенно если она задалась целью быть такой.

— А ты злая, — шутливо удивился Мэтти. — Завидуешь?

— Чему? — поразила Алекса.

Но поговорить не успели, Эмбер, словно плывущая по садовой дорожке, очутилась рядом с машиной. Мэтти пришлось выйти и открыть ей дверцу. Алекса хмыкнула:

— Эмбер, ты заставляешь Мэтти играть несвойственную ему роль дворецкого.

— Он же не возражает, — снисходительно сказала Эмбер, усаживаясь на сиденье осторожно, чтобы не помять юбку. Она спросила Мэтти о чем-то неинтересном для Алексы, и девушка подумала, что вообще-то это она должна сидеть рядом с Мэтти, ведь он ее парень. Но потом решила не глупить. Эмбер за последнюю неделю устала, ей хочется пококетничать и повеселиться. Пусть... Да и ехать пора. Не опоздать бы.

...Алексе понравилось. Они с Эмбер и впрямь неплохо смотрелись с Мэтти под руку. Приехали, когда вечеринка подходила к самому пику. Народу было много, в основном молодежь, хотя присутствовали и родственники Винтеров. Эмбер сразу подошла к своей бывшей однокурснице поболтать. А Мэтти немедленно пригласил Алексу танцевать. Он двигался очень хорошо, и девушка чувствовала настоящее удовольствие, танцуя в одном ритме с ним. Потом он уговорил ее на еще один танец, после которого, как ни странно, к ним подошел Карей.

— Разрешите? — сказал он, склоняя голову перед Алексой, едва закончилась музыка предыдущего танца.

Девушка взглянула на удивленного Мэтти. Тот пожал плечами и шагнул назад, освобождая место, и Алекса положила руку на плечо Карей. Было неясное опасение, что парень будет вести партнершу грубовато, но после нескольких па Алекса с облегчением отдалась на волю его рук. Этот танцевать умел восхитительно. И заканчивать танец умел неплохо, сразу подведя к столу с закусками. Здесь Алекса встретила знакомую, и Карей не стал мешать их беседе, исчезнув как-то незаметно. Так что девушки постояли у стола, объедаясь сладостями и вдоволь болтая обо всех знакомых, которых замечали. А потом знакомую пригласили танцевать, и Алекса пошла искать Мэтти. В последний раз она видела его танцующим с Эмбер.

Превращенная в танцевальный зал гостиная кончилась. Далее пошел длинный и довольно широкий коридор, где гуляли те, кому было тесно и душно в гостиной, а по бокам коридора располагались небольшие комнаты для желающих посидеть и поболтать, и девушка помечтала, что найдет Мэтти и они будут сидеть в креслах у столика со сладостями, пить напитки и разговаривать...

Она прошла было мимо одной комнаты, но краем глаза уловила что-то знакомое. Алекса остановилась. Но это... бессмысленно. Постояла и вернулась к той комнате. Мэтти и Эмбер продолжали страстно целоваться за едва полуприкрытой дверью.

Шаг назад. Снова застыла. Стыдно, противно... А взгляда от них не оторвать. Как закинула голову Эмбер, подставляя шею жадным губам Мэтти, как Мэтти грубо сжимает ее, обнимая... Глядя со стороны, Алекса сухо отмечала: нежности нет — одна голая животная страсть. Неужели Мэтти не хватало в их отношениях именно этого?.. Или... она просто завидует им? И он мог бы так целовать ее, а ей бы... нравилось?

Шаг в сторону — теперь их не видно.

А уйти совсем — никак.

Перед глазами дверь. Свет из проема. Тень на ней. Еще гуще тень в углу. Надо уйти. Но как... И как потом с ними разговаривать? Можно сбежать с вечеринки и потом не общаться с Мэтти. Но Эмбер придет домой, и с нею придется говорить. Она, наверное, будет стесняться, сворачивать разговор. И что ей на это сказать?

...Алекса с трудом сглотнула. Горло занемело от кома в горле. Совершенно оглушенная, быстро-быстро заморгала сухими глазами. Надо уйти. Кажется, эта единственная мысль больно бьет в виски, а ноги все стоят на месте... Не сдвинешь... Тогда по шагу... Шагнула снова назад, не глядя, и уперлась будто в каменную стену. Наверное, сегодня была в саду, оттого в ошеломленном сознании это первое впечатление и отложилось. Но не повернулась, вдруг сразу поняв, кто за спиной. А он положил руку ей на плечо. Твердая ладонь скользнула по руке, сжала локоть и жестко повернула девушку.

— Уйдем, — безразлично сказал Карей.

Другой рукой он обнял ее за талию и повелительно повел куда-то по коридору. Сначала Алекса передвигала ватными ногами, сильно опираясь на его руку, потому что боялась упасть. Потом постепенно вернулись звуки. Девушка уловила гулкий стук и поняла, что так в коридоре отдается танцевальная музыка из гостиной. И наконец встрепенулась, когда сообразила, что Карей ведет ее дальше, от музыки.

— Нет, — жестко сказала она. — Я уйду домой. Я в порядке.

Она напряглась, испугавшись, что он начнет уговаривать остаться и вообще затащит куда-нибудь в темную комнату, пользуясь ее замешательством и растерянностью. Но он остановился немедленно и кивнул, а потом сказал:

— Не уйдешь — отвезу. Я на машине. Пошли.

Как ни странно, именно эти рубленые фразы делового человека Алексу привели в полное сознание. Она увидела, как он согнул руку, и, нисколько не сомневаясь, вцепилась в его жесткий локоть, зашагала рядом немного поспешно, потому что он был высоким и на каждый его шаг ей приходилось делать пару-тройку своих. Собственно, именно это и возвращало к реальности. Поспевая за Кареем, Алекса начала не только приходить в себя, но и замечать происходящее вокруг. Удивленные и завистливые взгляды девушек, например, видевших, с кем она идет. Танцующая с Кареем, она, сосредоточенная на музыке и на движениях, как-то этого не замечала, но сейчас видела очень остро. И это ее задевало.

Изнутри глухо поднималось раздражение. Да не заберет она эту знаменитость у них!.. Он нужен ей сейчас сугубо прагматично — отвезти домой, и на этом его участие в ее жизни закончится. Она должна сосредоточиться только на учебе и на доме. Осталось проучиться до лета, а там последний курс, а дальше... Господи, что за мысли...

Тем острее она восприняла странный взгляд девушки в необычном платье. Само платье

было даже очень закрытым, почти бесформенным куском ткани, свободно струящимся по телу, прячущим даже руки и ноги, что уж говорить об отсутствии декольте... Вот только было оно странного, черно-алого цвета, что резало глаз даже в мягко освещенном коридоре. Девушка прошла мимо них, скользнула глазами по Алексе, столкнулась взглядами, быстро отвела глаза, опустила. Но Алекса уже невольно насторожилась и поймала другой ее взгляд — на Карея. Взгляд равнодушный, зато слегка приподнялась бровь. Уже заледеневшая в напряжении Алекса легко прочитала: «Ну что? Получилось?» Она почувствовала, что непроизвольно начала дышать ртом, потому что зачастившее дыхание не помогало: воздуха отчаянно не хватало! Теперь заледенело не только горло, но и губы.

Из-за непонимания... Что же происходит?!

Девушка в странном платье объединила Карея и ее, Алексу. Что она имела в виду, спрашивая его о чем-то, получилось ли? Или... Или она, Алекса, теперь во всем видит двойной смысл? И все невинное вызывает у нее подозрение? Жаль, нельзя было увидеть в этот момент глаза Карея.

Между тем парень вывел ее в фойе дома, и Алекса не выдержала, выдернула руку:

— Подожди!

— Что?

Он остановился и обернулся к ней:

— Ты же приехала без верхней одежды!

— Откуда ты знаешь? — поразила Алекса.

— Стоял здесь, ждал, когда ты приедешь, — без капли смущения ответил Карей.

— Зачем?

— Зачем я ждал, пока приедет девушка, с которой мне хочется танцевать?

Кажется, он даже обозлился из-за ее непонимания. И эта его плохо выраженная злость — лицо же все равно каменное! — заставила ее мотнуть головой и пойти чуть вперед, показывая без слов, что она послушна. Пока не доедет до дома. Там свои стены. Там все налажено и все правильно. Там она придет в себя и будет знать, что делать дальше.

Карей снова очутился рядом, держа Алексу за руку. Подвешенное состояние продолжалось, но теперь Алекса не боялась, что парень как-то воспользуется ее ошеломлением. Люди проплывали мимо как тени. А голоса слышались, будто говорящие стояли за картонной стеной. Пока в этом мире была реальной лишь рука Карея, которая крепко держала ее за кисть.

На улице ветер словно дохнул на нее, и этим свежим дыханием, напоенным оттаявшей землей и промокшими прошлогодними листьями, облепившим лицо мелкими дождевыми каплями, очистил мысли и голову.

Уже в машине она виновато покосилась на спокойного Карея и сказала:

— Прости, что из-за меня пришлось уехать с вечера.

— Ты быстро пришла в себя, — задумчиво сказал он.

— Почему бы и нет?

Она устала на блестящую под фарами мокрую дорогу.

— И сейчас тебя несколько не тревожит эта ситуация? — не глядя на нее, спросил он.

— Ты задаешь странные для мужчины вопросы, — безразлично заметила она, следя, как дождевые капельки усыпают ветровое стекло, то и дело смазываясь по нему от сильного порыва ветра. — Но, если тебе интересно, могу сказать. Меня больше тревожит не ситуация, а то, как вести себя с сестрой дальше. Мэтти всегда был мне больше другом, чем (когда она

выговорила эти слова, горло сжало так, что она с трудом протолкнула следующие слова)... Чем кем-то более близким. Задело только одно: он прекрасно знает об этом, о нашей дружбе. Почему же он сразу не сказал, что ему больше нравится моя сестра? Вот ты...

Теперь он чуть удивленно покосился на нее.

— Ты можешь объяснить, почему Мэтти мне этого не сказал?

Он помедлил и отозвался:

— Могу. Но не скажу.

Она замолчала, с беспокойством вслушиваясь в его голос, мысленно повторяя его снова и снова. Почему у нее возникло ощущение, что он отвечает на вопрос, но подразумевает другое?

Больше всего почему-то ее удивило, что Карей и впрямь привез ее домой. У калитки она нерешительно постояла, глядя на него, сидящего за рулем, потом спросила:

— Ты вернешься к Винтерам?

— Нет.

Алекса открыла рот, но стиснула губы, сообразив, что на ее вопрос: «Почему?» он почти наверняка ответит: «Тебя там нет». Но... Встревоженно примериваясь к новой для себя мысли, что она, может быть, понравилась ему, девушка приходила к выводу: нет, она ему, как женщина, не понравилась... Опять нет. Не как женщина. Она ему нравится... как Мэтти нравилась. Всего лишь спокойная девушка, от которой не ждешь сюрпризов. Как... хорошая знакомая. Хотя иногда она чувствовала взгляды Мэтти, которые ее оценивали именно как женщину.

Это открытие так поразило ее вкупе с тем, что Карей помогал ей и, как ей сначала казалось, сочувствовал. И в то же время к этому не очень радостному открытию примешивалась уверенность, что она ему зачем-то нужна. Очень.

В полном смятении, от растерянности она выговорила другое:

— Зайдешь? Я сварила компот и напекла кексов. Правда, у меня там девчонки пригласили подружек, но они мешать не будут.

— Девчонки? — с искренним недоумением спросил Карей.

— Да. У меня одна старшая сестра, две младших и брат.

Он даже усмехнулся, но уже как-то по-доброму:

— Вспомнил. Те две школьницы, которые обнимали вас с Люком. Вас пятеро?

— Да. Пятеро. — Она облизала губы и выпалила: — А еще есть ребенок Эмбер, тоже девочка! Венди.

Она снова выжидательно смотрела на него. Примет ли он ее приглашение? Мэтти отказался бы. Он не любил атмосферы болтовни и суеты, поэтому предпочитал гулять с Алексой где-нибудь вне дома. А Карей должен понимать, что в ее доме его ждет восторженный мальчишка-болельщик и восторженные девчонки, которым все равно кого обожать, лишь бы выдающаяся личность появилась.

Машинально подставила ладонь почувствовать, как мелкий дождь охлаждает разгоряченную кожу, и вздохнула. Не успела понять, почему вздыхает, как Карей выбрался из машины и закрыл ее.

— Идем.

Он снова взял ее под руку, чтобы дойти по дорожке к входной двери, и как-то мимоходом (получилось — ласково) протер, высушивая, ее ладонь — ту самую, которую она подставляла дождю.

Пока шли, Алекса пришла в еще большее смятение: подтвердилось ее впечатление, что она нужна ему. Для чего? Пока он разувался в прихожей, она быстро проверила его защиту: сможет ли найти что-нибудь, какую-нибудь подсказку, чего он хочет от нее? Не получилось. Защита была такая, что девушка наткнулась просто на железобетон, от которого первый же ментальный щуп мгновенно отлетел мячиком. А Карей, выпрямившись, исподлобья глянул на нее, но промолчал.

Открывая ему дверь в гостиную, Алекса поняла, что они теперь как два разведчика: Карей приглядывается к ней — она к нему. «Перезагрузка», — мрачно решила она. Но поразительная и неожиданная загадка заставила ее слегка иначе воспринять ситуацию у Винтеров. Стресс смягчился, вытесненный настоящей тайной. Про себя она решила, что, как только Карей уйдет, она немедленно залезет в сеть и выудит оттуда все о его семье и о нем самом. А вдруг он маньяк?

Последняя мысль заставила ее улыбнуться. На что Карей удивленно покосился, а Алекса даже почувствовала злорадство: у тебя своя тайна, у меня — своя.

Через полчаса обстановка в гостиной была та еще. Алекса все-таки стащила с Карей его рубашку, чтобы залатать ее: он даже не подумал одеться по-другому на вечеринку, — и теперь сидела на диване, чтобы приглядывать за всеми. Венди спала рядом, головой на ее коленях, укрытая краешком покрывала. Шесть девчонок, хихикая, рассматривали модный журнал, уже не обращая внимания на знаменитого, но, как оказалось, скучного гостя. А Карей, сидевший теперь по-домашнему в майке и в штанах, вместе с Люком пытался разобраться в новой, скачанной из сети игре. Оба устроились за столом и то и дело вроде как рассеянно брали кексы и запивали их компотом.

Если в начале этого странного сидения Алекса еще подумала, не зря ли она пригласила Карей в дом, то под конец, когда вернулась Эмбер под руку с Мэтти... Алекса сначала закаменела, а потом...

— Ты чего так быстро убежала? — весело спросила Эмбер, направляясь к дивану и подхватывая с него сонно заворчавшую дочь. На собравшихся у столика с журналами девочек она не обратила внимания и, кажется, по инерции проглядела присутствие в гостиной еще одного чужака.

— Оставь Венди, — спокойно сказала Алекса, — ты ей мешаешь. Пусть спит, потом отнесу наверх. Как повеселились?

— Алекса, — неуверенно позвал Мэтти. — Мы не поняли, почему ты ушла. Пытались дозвониться, но ты мобильник не берешь, а мы...

— А нам было некогда, — прервала его Эмбер. — Мы так развлекались! Давненько я так не отрывалась! Родители Винтеров приготовили сюрприз, а потом...

— Алекса, ты закончила с рубашкой? — спокойно спросил сидевший за столом Карей.

В гостиной наступила мертвая тишина, не считая смешливого шепотка девочек, которые не обращали внимания на старших, увлеченно занятые «выбором» вещей из модных журналов. Алекса, чуть улыбаясь, откликнулась:

— Сейчас! Немного осталось!

После этого вопроса Карей она окончательно успокоилась.

А Эмбер как-то скомканно поздоровалась с ним, Мэтти, стоя у двери и даже не пытаясь войти в гостиную, что-то промямлил, и они оба ушли куда-то. А через некоторое время Мэтти снова заглянул в комнату: он заранее обещал развезти подружек сестер по домам. Те быстро собрались и распрощались.

Карей взглянул на Алексу. Она опустила глаза и снова улыбнулась. Горячую благодарность — вот что она сейчас ощущала к парню. Теперь Эмбер не сможет позлорадствовать, что не просто увела Мэтти, но и над тем, что Алекса не нашла равноценную ему замену. Додумавшись до последнего, Алекса перестала улыбаться. Она... нехорошо думает. Как о соревновании, кто лучшего мужчину себе найдет. И при чем тут злорадство? Ведь она еще, в сущности, не знает, лучше ли, да и нашла ли.

Подложив под голову снова заснувшей Венди «думку», Алекса осторожно, чтобы не разбудить девочку, встала и подошла к Карей. Тот поднялся, и она помогла ему надеть защитную рубашку. Странно. Довольно интимный момент в общении между женщиной и женщиной, но почему Алекса, поневоле касаясь мужского тела, не чувствует себя заинтересованной им? Ведь Карей завидный... парень. Мельком она помнит, что он богат, несмотря на разорванную рубашку. Почему же она ничего не ощущает к нему, кроме благодарности?

Люк забыл обо всем на свете, азартно играя, и не обращал на них внимания.

— Мы поняли, как это делается, — объяснил Карей. — Теперь я пойду.

— Я провожу, — сказала Алекса.

Пришлось прихватить зонт. На улице шел уже довольно сильный дождь. Они вышли и побежали по дорожке. Потом девушка держала зонт над парнем, пока он открывал машину. Но прежде чем сесть, Карей открыл заднюю дверцу и предложил:

— Пожалуйста, сядь на пару минут. Разговор есть.

Алекса сложила зонт и юркнула в машину. Парень уселся рядом. Помолчал, будто мысленно что-то прикидывая.

— Ты часто ходишь на вечера?

— Нет. Очень редко.

— Почему?

— Ну... Мне неинтересно на них.

— А почему была сегодня?

— ...Мэтти пригласил.

Не обращая внимания на ее заминку, Карей деловито сказал:

— Если приглашу я, придешь? Точней, если я приглашу и заеду за тобой, согласишься прийти? Вечер будет через три дня.

— Как-то неожиданно, — пробормотала Алекса.

— В общем, я заезжаю, а то будешь слишком долго думать. А к этому времени уж додумаешься, — заявил Карей и поднялся с сиденья, пропуская ее и тем самым недвусмысленно давая понять, что вот-вот уедет. И уехал.

А девушка вернулась в дом. Отнесла Венди в ее комнату, умыла, раздела, уложила спать. Разбудила уснувшего за игрой Люка, помогла ему собрать все свои игрушки и отнести на второй этаж, проследила, чтобы он тоже почистил зубы перед сном. Затем прогнала готовиться ко сну Дэйзи и Джесмин. Затем, предупредив, что заглянет в их комнаты удостовериться, что они спят, вернулась в гостиную, собрала остатки угощения и унесла посуду на кухню.

За мытьем посуды, как всегда, пришли странные мысли.

Она лишилась друга. Мэтти теперь для нее человек, который страстно целовался с другой. И эта другая — ее родная сестра.

С этой стороны — пустота.

С другой — тайна. Карей не заинтересован в ней как в подруге. Так зачем она ему?

Но вскоре хозяйственные дела потребовали от нее большего внимания. Закончив с мытьем посуды, Алекса быстро просмотрела продукты. Благодаря Люку (не было бы счастья, да несчастье помогло), сегодня она не только напекла кексов. В холодильнике стояла кастрюля с супом, которого, по ее прикидкам, должно хватить на три дня обедов. Кексы она припрятала: сегодня и так умяли предостаточно. Кашу с утра варить не надо будет. В холодильнике остались кусочки ветчины и сыров. Надо мелко все покрошить, чем она и займется сейчас, а утром останется лишь высыпать все это на сковороду и залить взбитыми яйцами — будет вкусная заготовка для бутербродов. Венди, конечно, такого не получит. Для нее-то Алекса кашу сварит. И девушка принялась за дело.

Только вывалила все в одну миску, как в кухне появилась Эмбер.

— Зря ты так рано ушла!

Сестра зевнула и рассмеялась:

— Было так весело! Я натанцевалась, насмеялась...

— ...нацеловалась, — в тон подсказала Алекса.

Эмбер замерла, подозрительно взглядываясь в младшую сестру. Потом присела на табурет между холодильником и разделочным столом.

— Ты... видела?

— Видела.

Сестра сразу сникла. Посмотрела исподлобья.

— Я тебя сильно обидела, да? Но ведь и ты быстро нашла замену Мэтти! — чуть не со слезами защищалась Эмбер.

Алекса даже смогла усмехнуться:

— Это я как-нибудь переживу. Эмбер... А ты давно? С Мэтти?

— Да нет, — словно сама себе удивляясь, пробормотала сестра. — Он мне, конечно, нравился (Алекса снова усмехнулась, теперь и она начала вспоминать знаки невольного расположения Эмбер к Мэтти... У, курица слепая!). Но чтобы вот так, как сегодня... Я как-то сама не ожидала.

— Прости мое любопытство, Эмбер. А с чего сегодня все началось?

— Я даже не знаю... Ты правда хочешь это знать? Мы потанцевали, а потом пошли гулять, зашли в одну из комнат. Мэтти сказал мне какой-то комплимент, а я сказала, что он очень милый, и в благодарность поцеловала его. Но, Алекса, я поцеловала его в щеку! Честно! А он как будто с цепи сорвался! Алекса, клянусь, я не думала, что он будет так... И...

Сестра закусила губу:

— Прости, Алекса, но мне это понравилось.

«А потом очень вовремя за моей спиной появился Карей», — мысленно закончила картинку Алекса. Подумала немного и спросила:

— Эмбер, ты пила на вечере?

— Только шампанское.

— Тогда выпей пару таблеток активированного угля и ложись спать. Завтра вставать рано. Поговорим чуть позже. Если поговорим.

Пока старшая сестра, успокоенная не слишком бурной реакцией младшей на ее предательство, предпочитала не думать о происшествии и искала упаковку таблеток: ей хватало бокала шампанского, чтобы потом мучиться бессонницей всю ночь, — Алекса безжалостно накрыла ладонью стакан с кипяченой водой, посылая на воду простейшее

заклинание: «Очень хочу спать!» И затем подала стакан сестре. Та выпила и, все-таки неловко пожелав ей спокойной ночи, вышла из кухни.

Выждав немного, Алекса поднялась на второй этаж. Сначала заглянула к Люку. Тот спал крепчайшим сном. Девушка осторожно пригляделась к его лбу. На коже еще остался след от падения, но выглядел уже не так страшно, как утром. Алекса еще раз дотронулась до раны, невесомо погладила ее, шепча привычную формулу исцеляющего заклинания, а затем встала с корточек и вышла.

Сестры спали. Девушка только поправила одеяла на них, улыбаясь: у этих на сегодня тоже впечатлений хватает!

Венди давно и глубоко спала, и Алекса даже немного позавидовала ей.

Прежде чем войти к Эмбер, Алекса приложила ладони к двери в ее комнату и послала импульс-бумеранг. Тот вернулся назад, сообщая, что входить можно. Сестра спит. Девушка проскользнула в комнату. Здесь, в отличие от комнат младших, настенные бра-ночники не горели. Но в комнату вливался свет уличного фонаря.

Бесшумно подойдя к кровати, Алекса погладила пространство над головой спящей.

— Спи глубоко... — прошепестело в комнате.

Затем девушка присела на корточки перед кроватью, внимательно вглядываясь в пространство вокруг сестры.

Способности к магии как дарование к живописи или к музыке. Они или есть, или их можно развить. Потерянное Эмбер умение тоже можно было восстановить. Но старшей сестре оказалось лень это делать. Зато Мэтти оканчивал университет — факультет колдунов, то есть изучал универсальный курс. Почти как у Алексы, только она еще и специализацию «целительство» выбрала.

То, что она сейчас разглядела, мог бы разглядеть и Мэтти, если бы додумался, почему он так живо откликнулся на ее поцелуй. Эмбер же вообще ни о чем не подозревала. На нее, не имеющую магических способностей, легко навесили усиление любовного чувства. Для поцелуя нужно было лишь одно обстоятельство: чтобы двое испытывали друг к другу хотя бы небольшой интерес. Теперь Алекса, складывая детали всей картины, кажется, сообразила, кто была та девушка, встреченная в коридоре. Ведьма, чьей специализацией является любовная магия. На Мэтти этого навесить не могли: он маг, которому остался последний курс, а значит, его защита от воздействия чужой магии сильна. Но навешенное на Эмбер заставляло его идти ей навстречу при близком контакте. Даже если бы Эмбер дотронулась до него рукой... И поцелуй в благодарность превратился в поцелуй, разбудивший страсть. Если сейчас Мэтти хоть на минутку задумается над всем этим, он тоже придет к выводу о навешенном на Эмбер любовном заклятии. Но задумается ли?.. Размышляя обо всем подряд, девушка вышла из комнаты старшей сестры.

Но... Если Алекса все правильно поняла... Зачем она Карею? При чем свободная?

Когда она впервые заинтересовалась, что значит чувство и почему она его не испытывает, она стала приглядываться к мужчинам. И когда это любопытство проснулось, Алекса с удивлением поняла: если мужчины на нее смотрят как на женщину, эти взгляды настолько чувственно сильны, что именно привлечший ее внимание она угадывает легко.

Карей не смотрел на нее, снедаемый любовным или даже плотским желанием. Но она его сильно заинтересовала чем-то другим. Чем же? Надо завтра перелопатить все сведения о Тиарнаках, чтобы постараться понять, с кем же столкнула ее судьба.

Попытавшись поразмышлять на заданную тему сейчас, Алекса поняла, что лучше

подумать об этом утром... Натянула на себя одеяло... Последние мысли перед сном были грустными. Она, наверное, какая-то неправильная, если ей не понравился всеобщий любимчик. И осталась легкая печаль. Пустота от потери друга, пусть не сердечного, затянется не скоро.

Быстрее бы мама приехала.

Первая мысль, когда Алекса проснулась в заданное с вечера время.

И папа.

Маме пожаловаться. С папой посоветоваться. Или поговорить с обоими.

Только... чтобы поговорить, надо знать, что именно смущает.

Алекса села. Посидела, ссутулившись, на кровати. Подняла голову.

В зеркало смотрела такая же хмурая Алекса. Волосы, распущенные на ночь, висят растрепанными сосульками. Глаза сонные и недовольные. Худощавое лицо осунулось так, словно вчера питалась не кексами, а сплошной капустой. Аж нос торчит. Хотя ему, из-за его малой величины, торчать вроде не полагается. А может, лицо такое, из-за того что в комнате все еще хмуро? Встала-то рано, солнце еще не заглянуло в спальню.

— Привет, что ли, — буркнула девушка отражению.

Встала. С трудом устояла на ногах. Скептически оглядела себя в зеркале и пришла к выводу, что привидение из нее, во всяком случае, достаточно симпатичное. Тихо загудев: «У-у!» — девушка подплыла к окну и открыла его. Удивленные кошки быстро вскочили на подоконник и потопали на постель. Даже к блюдечку не подошли с едой, которую Алекса готовила для них с вечера. Кошки были домашние, но самостоятельные. Младших опасались — слишком горластые! — поэтому предпочитали только одну комнату в доме — Алексы. Ну, пока родителей нет. Те тоже спокойные.

Пять минут на «расчесаться, одеться, умыться, сбегать вниз сварить кофе» и засесть за компьютер. Набрала «Тиарнаки». Первым вышел общий сайт семейства. Алекса открыла страницу и остолбенела. А потом закрыла рот и вознегодовала. И этот тип ходит в рваной по шву рубашке?! Замок с озером на фоне лесистого холма впечатлил сильно. Забыв о цели своих изысканий, с замершим от восторга сердцем, не замечая, что затаила дыхание, Алекса разглядывала на снимках потрясающие окрестности замка, его архитектуру, а потом и внутреннее убранство.

Когда девушка пришла в себя, она суматошно взглянула на часы. До пробудки сестер и брата осталось пять минут. Но и сейчас она не могла заставить себя прочитать сведения о владельцах этого поразительного замка. Ее волновал лишь один, опять-таки прагматичный вопрос: на какую вечеринку пригласил ее Карей? Она будет в этом замке?! Или... всего лишь в каком-нибудь ресторане? Господи, всего лишь... В ресторанах Алекса еще ни разу не была. Но уже сейчас решила, что любой ресторан, по сравнению с этим шикарным зданием, мелок и убог. И так захотелось, чтобы Карей показал ей свой великолепный дом! А может... Он же очень хочет, чтобы она пришла на вечеринку? Попросить, чтобы ее устроили именно в замке? Попросить... Господи, как глупо... Но... Да и слово «вечеринка» рядом со словом «замок» звучит... оскорбительно. Для замка. Больше подходят слова «бал», «прием».

Оставив ссылку в специальном файле, Алекса быстро напечатала в поисковике «Тиарнак-младший» и наткнулась на статью, восхваляющую лучшего игрока «Саламандры», причем, выражая свой восторг, автор использовал только восклицательные знаки. Бегло проглядев панегирик огненному баскетболисту, девушка выключила компьютер и побежала будить домочадцев. Теперь утро для нее началось, как обычно. Разве что остановилась перед дверью Эмбер и некоторое время стояла, охваченная сильным чувством неприязни и

нежеланием видеть сестру. Но потом напонила себе, что сестра может опоздать на работу. А там у них строго с этим. Чувства чувствами, а жизнь — увы, другое... Алекса облизала губы и стукнула в дверь.

— Эмбер, вставай!

Зашла к Люку, откинула с брата одеяло и, подхватив его под мышки, поставила на ноги.

— Ну чё-о... — занял Люк.

— Стоять тихо! — велела сестра. — Ну-ка, покажи свой лоб!

— Да не болит уже, — заворчал сонный мальчишка.

Но Алекса уже разглядела, что рассеченная вчера кожа сегодня целая, а опухлость на скуле, где была царапина, опала. Она чмокнула Люка в щеку и сняла его с постели.

— Быстро в ванную и в столовую.

— Нечего меня целовать, — донеслось из-за спины. — Я не маленький, иди Венди целуй. А меня нечего...

— Нет, вы посмотрите, какой он ворчун! — поразила Алекса. — Я тебя с таким человеком познакомила, а ты мне тут такие претензии?..

Мальчишка проснулся мгновенно.

— Алекса-а... — замороженно протянул он, начиная медленно, но верно сиять. — Он же мне карточку подписал! Сам Тиарнак-младший! Да у нас в классе все пацаны упадут, когда узнают! Алекса-а...

— Вот именно, — усмехнулась девушка. Только было вышла в коридор, но сообразила спросить: — Люк, а ты случайно не знаешь, почему он Тиарнак-младший?

Мальчишка надевал футболку, поэтому пробурчал из-под нее:

— Кажется, у него старший брат есть...

Алекса подождала немного. Но от Люка информации больше получить не удалось, и она ушла... Настороженная, спустилась с Венди в столовую. Пока кормила девочку кашей, ждала появления Эмбер. Мэтти она уже отодвинула от сердца, решившись думать о нем, как о знакомом: встретились вчера — и встретились. Сегодня о нем и думать не надо бы. А Эмбер... Даже зная о навешенном на старшую сестру заклятии, не хочется, чтобы она вела себя, словно ничего не случилось.

Эмбер вошла в столовую тишком-молчком, поглядывая на младшую сестру виновато и с явным страхом. И Алекса расслабилась. Все-таки сестра не настолько бессердечна... Правда, скоро надо будет пережить момент встречи с Мэтти. Он ведь обязательно придет всех развезти по местам. Как вести себя с ним?.. Некоторое время Алекса мысленно даже ругала себя, что заранее не сообразила договориться с Эмбер. Пусть бы та со всем семейством поехала на машине Мэтти, а она, Алекса, выйдет из дома пораньше, чтобы до университета добраться самостоятельно.

Но сегодня, как назло, все вели себя так, будто без Алексы им не прожить. Особенно младшие. Дэйзи и Джесмин крутились рядом с ней и радостно рассказывали, как им понравилось недолгое общение с Кареем и как подружки, обалдевшие от его недолгого появления в их жизни, звонили им вечером по приезде домой. А Люк мечтательно улыбался, кажется в воображении представляя, что будет с пацанами из класса, когда он покажет подписанную Кареем карточку и расскажет, как они вместе изучали скачанную игру.

Привычно подхватив одетую Венди на руки, Алекса крикнула:

— Эмбер, побыстрей!

— Иду, — недовольно сказала старшая сестра, тоже привычно застряв у зеркала.

И они вышли без нее, приблизились к калитке и остолбенели.

Напротив их сада стояла роскошная черная машина, в которой вчера Карей привез из школы домой Алексу и Люка. Так что мальчик сразу сообразил, чья машина горделиво красуется у их забора. И с радостным воплем побежал здороваться с ее владельцем, непринужденно стоящим тут же в позе ожидающего, облокотившись на крышу. Закрыв рты, Дэйзи и Джесмин поспешили было к ним, но взглянули в сторону и растерянно остановились. Вышедшая следом Алекса тоже с недоумением уставилась на машину Мэтти, стоявшую чуть дальше от калитки. А сердце уже радостно дрогнуло. Она ведь так боялась садиться сегодня к Мэтти! Неужели Карей приехал, чтобы отвезти ее в университет?!

Мэтти из машины не выходил, хотя задняя дверца была открыта.

Но младшие сестры, как замороженные, двинулись к машине Карей. Как поняла Алекса — поздороваться с кумиром, чтобы потом, став еще более счастливыми, рассказать всем на свете, что знаменитый огненный баскетболист ждал их сестру у калитки! Правда, через секунду Алекса начала опасаться, что они лопнут от счастья, поскольку Карей подбородком указал девочкам на машину:

— Садитесь.

Младшие сестры с воплями и наперегонки с братом кинулись в машину. Казалось, их блаженству не будет предела: на глазах у всей школы их высадит из машины тот самый Тиарнак-младший! А Алекса застыла с Венди на руках, не зная, что делать: старшая сестра все так же не торопилась выходить из дома.

— Давай поддержку, — предложил Карей и легко отобрал малышку у растерявшейся девушки. — Эмбер опаздывает?

— Да, — Алекса сказала, а потом сообразила: две машины! Сегодня никто никуда не опоздает! Эмбер сядет к Мэтти, и тот отвезет ее и малышку, а Карей оставит младших сестер и братишку у школы, а потом вместе с нею доедет до университета. У каждого водителя будет всего по одной остановке! И выдохнула.

Эмбер спускалась по трем ступенькам крылечка не торопясь. Но шагнула на плиты дорожки и увидела, что происходит у калитки. Примчалась так, будто за ней гнались.

Карей коротко поздоровался с нею и вручил Венди, которая, все еще сонная, сидела на руках чужого спокойно. И повернулся к машине.

Оживленное перешептывание младших на заднем сиденье: они обменивались впечатлениями, что сидеть втроем удобнее, чем впятером, — Алекса слышала отчетливо. Наверное, Карей — тоже. Но вел машину совершенно спокойно. Впрочем, кажется, он не очень любил разговаривать. Про себя Алекса решила не приставать к нему, особенно если он собирается приезжать за нею и младшими каждое утро. Хватит коротких приветствий. Единственное смущало: неужели он собирается это делать? Приезжать и отвозить целую ораву в школу? А еще... Алекса сдержала усмешку. Интересно, поздоровались ли они — Карей и Мэтти, столкнувшись у калитки?

Троицу блаженствующих младших оставили перед школьным крыльцом и поехали дальше. Алекса молчала, не зная, стоит ли начинать разговор. Не совсем кстати вспомнилось, что Карей вообще-то обещал заехать за нею только через три дня, чтобы отвезти на вечеринку. Или он разделяет эти дела? И для него это нормально: оказывать знаки внимания девушке, приглашенной им на вечеринку? Ну и мысли... Надо бы залезть в блоги однокурсников и посмотреть, что говорят о Тиарнаке-младшем и его пассиях. А в том, что они есть или были, Алекса была уверена на сто процентов. Такой парень! Из такой семьи! Из

такого дома!.. Хм... Домом-то не назовешь...

На университетской стоянке Карей, помогая выйти Алексе, неожиданно признался:

— Я впервые ехал с девушкой в университет так комфортно!

— В смысле, в молчании? — уточнила Алекса, принимая предложенную руку.

— Угу.

— Младшие болтали, — напомнила она.

— Не со мной.

В вестибюле корпуса они расстались.

В кабинет на третьем этаже, где должна быть первая пара, Алекса пришла, как обычно, минут за двадцать до звонка. Тихо поздоровалась с одногруппницами и села назад, за последний учебный стол. Глядя в окно, подумала: «Не записать ли мне все те вопросы, которые возникают? А то все вразброд, и голова кругом...»

И пожалела, что нет у нее подруги, с которой она бы могла поделиться всем тем, что сейчас тревожит. Все подруги, так или иначе, появлялись в ее жизни ненадолго. Сначала была подружка, жившая в доме по соседству. Но ее семья переехала в центр города, и Алекса встречалась с подругой редко, а потом дружба и вовсе не выдержала испытания расстоянием. В средней школе появилась подружка-одноклассница. С ней было хорошо до окончания школы, после чего они потеряли друг друга из вида. У одноклассницы оказались слишком слабые магические способности, и она поступила в университет для обычных людей, на математический факультет, не пожелав даже попробовать пройти экзамены в корпус магии, куда принимали всех желающих, лишь бы показали на собеседовании проблески способностей.

И впервые за четыре года обучения в университете Алекса подумала, как жаль, что нет у нее в подружках никого из ее группы ведьм. Но увы. Здесь собрались девушки более свободные, чем она, из многодетной семьи. Ей часто приходилось после занятий в университете немедленно бежать домой, потому что мама время от времени помогала отцу в его работе, оставляя младших на Алексу. И куда деваться, если родителям приходилось много работать, обеспечивая достойную жизнь своим детям.

Алексу прервали на недодуманной мысли.

В кабинет вбежала встрепанная Лидия — небольшого росточка темноволосая любительница джинсов и свободных балахонов. Алекса видела ее мельком вчера у Винтеров. Звончайший голосок заставил вздрогнуть всех:

— Девы! Вы не представляете! У нашей скромницы Алексы новый парень! И знаете — кто?!

Секундой позже возбужденная Лидия заметила Алексу, что заставило ее не только не смутиться, а, напротив, подпрыгнуть от нетерпения и завопить громче:

— Алекса! Расскажи, как тебе удалось его захомутать?!

— Кого? — вклинились с первого стола.

— Карея! Тиарнака-младшего! — в экстазе выкрикнула Лидия.

— С ума сойти! Алекса, как?! — завопили теперь все.

— Да не хомутала я его! — возмутилась девушка. — Он пригласил меня на танец, а потом отвез домой. Обычный пример вежливости, и не более. Он не мой парень!

— Этим не отделаешься! — заявила Лидия, чьи глазки горели неподдельным азартом и неистребимым любопытством, и с этим ее заявлением на этот раз дружно согласились все ведьмы. — Расскажи, как он танцует? Почему он отвез тебя домой? О чем вы болтали? И

куда делся твой Мэтти?

Одногруппницы тесным кольцом окружили учебный стол Алексы. Кинув взгляд на кабинетные часы, она заметила, что до начала первого часа осталось пять минут. Поэтому она подняла руки, призывая к тишине, и быстро сказала:

— Спокойно, дамы! Ко мне подошел парень, пригласил меня на танец и отвез потом домой. Только сейчас я узнаю, что это знаменитость.

Она лукавила, но наскоро придуманный план, как узнать о Карее побольше, вырисовывался неплохой.

— Судя по всему, вы его хорошо знаете. Быстро: кто он такой, если новость о нем и обо мне вас так взбудоражила? Ну?

Девушки изумленно похлопали на нее глазами, переглянулись, потом жалостливо обозвали Алексу дикой ботанкой («А то сама не знаю про себя!» — проворчала она) и хором вывалили на нее кучу информации, причем девушка, напряженно вслушиваясь в нее, успевала корректировать ее своими конкретизирующими вопросами. Алекса добивалась главного: одногруппницы должны рассказать лишь то, что интересно лично ей!

Сколько, оказывается, можно узнать за считанные минуты!

Правда, потом придется посидеть, выуживая из этой массы факты и отделяя от них довольно дикие слухи.

У Карея Тиарнака-младшего года два назад в одном из баскетбольных матчей, кажется, погиб старший брат — сгорел. Кажется, из-за этого Карей стал угрюмым и нелюдимым, хотя на его сильной игре это не отразилось. Он все равно остался лучшим. Но, кажется, именно из-за смерти брата родители долгое время не хотели пускать Карея на баскетбольную площадку. Их все понимали. Они боялись за него. Кажется, из-за этого трагического случая Карей не мог найти себе постоянной девушки, потому что ни одна не выдерживала его замкнутого характера. А в последнее время у него и временной не было. Кажется, все вечера проходили в поместье Тиарнаков («Тебя туда пригласили, Алекса?! И ты молчишь?!»).

Преподаватель вошел в кабинет и с трудом успокоил взбудораженных девиц. Лидия нагло под села к Алексе и, пока писали тему практикума, прошептала:

— Хоть посижу рядом с той, кого Карей подвез до дома.

Все учебное время преподавателю пришлось уговаривать девиц быть более внимательными. Одногруппниц Алексы больше интересовало ее положение при Карее, чем тема, обсуждаемая на паре.

Девушку закидали записками, которые она упорно игнорировала. Лишь раз она сама не выдержала и написала в тетради, которую потом показала Лидии: «На тренировки «Саламандры» зрителей пускают? А можно ли там сидеть так, чтобы тебя не заметили? И где проводят эти тренировки?»

На перемене Лидия с удовольствием и жаром, уточняемая подругами, рассказала:

— Тренируется «Саламандра» в цокольном зале нашего корпуса. Он оборудован защитой от самопроизвольных огненных выбросов игроков. Зрителей пускают сколько угодно, но их там совсем не видно с площадки. Зал отделен такой защитой специально, чтобы игроки не отвлекались, а зрители не мешали сосредоточиться игрокам. Слушай... — Лидия сделала огромные глаза. — А давай я тебя свожу туда сегодня после всех пар? Хоть дорогу будешь знать, а? А я хоть рядышком с тобой побуду, с подружкой героя!

И девушки рассмеялись. А Алекса вздохнула:

— Значит, вы не поверили, что я не его девушка?

— Нет, конечно! — возмутились одноклассницы. — Ты же заинтересовалась «Саламандрой»!

— Мне на пальцах объяснить, что просто интересно стало? Эта сторона университетской жизни для меня вообще темень.

— Сама ты темень заучившаяся, а не эта сторона, — с досадой сказала Лидия. И уже воодушевленно добавила: — Но мы сделаем из тебя образованного человека! Так ведь, девочки? — И первая рассмеялась, когда вся группа с радостным писком закивала.

— Только делать будете недолго, — предупредила ошарашенная напором Алекса. — Мне еще с младшими заниматься.

Так что сразу после последней пары вся группа понеслась вниз в цокольный зал смотреть тренировки «Саламандры». Зрителей и в самом деле было много. Причем сидели не только девушки, но и парней здесь оказалось достаточно. Тут Алекса выяснила, что зал и игровая площадка и в самом деле отделены друг от друга стеклом, сквозь которое видели только зрители. Для игроков оно было непрозрачным, и разглядеть на трибунах они никого не могли. Алекса даже вспомнила, где такие стекла используются — в полиции при допросе. Лидия, не отстающая от нее ни на шаг, объяснила:

— Эти стекла не всегда здесь есть. Чаще они закрыты, когда игроки отрабатывают концентрацию на контроле. Ну, чтобы не самовозгораться, когда забываешься. Стекла меняют, когда концентрация идет автоматически, и игрокам надо тренироваться заново, уже отрабатывая контроль на глазах у зрителей. Это еще хуже отвлекает.

— Странно, — заметила одна из одноклассниц, — вчера стекло было прозрачным.

Сбоку неизвестная девушка с другого факультета объяснила:

— В команде «Саламандра» новый игрок. Пока запасной. Очень сильный, но внимание у него рассеянное. Отвлекается на раз.

— Его уже два раза заливали водой, — сообщила сидящая рядом с ней. — Ходит слух, что новичка не возьмут. Очень вспыльчивый. — И вздохнула. — А такой симпатичный!

Между тем на площадке тренер закончил что-то объяснять команде. Алекса нашла Карея. Он стоял чуть в стороне и внешне лениво оглядывал игроков. Все они были высокие и мускулистые, в шортах и в очень открытых майках, а кое-кто и без них. Одежда издали казалась грязной. Но Алекса сообразила, что это не просто грязь, а сажа и потемневшая от огня, но не успевшая загореться ткань. Кроме всего прочего, у всех парней волосы были коротко стрижены, а некоторые вообще щеголяли выбритыми головами.

Новичка девушка тоже разыскала сразу. Он был мрачен. Стоял, упрямо наклонив голову, чуть наособицу. Шорты — черные. Сам без майки. Тело в грязных разводах и поблескивает. От недавней воды?

— Сколько им еще тренироваться? — шепотом спросила Алекса.

— Часа два, — тихо откликнулась Лидия. — Их обычное время — три часа. Мы пришли попозже. А новичка точно выкинут. Хотя играет он здорово. Если он сейчас не может контролировать себя, о чем можно говорить, когда площадка и мяч будут в огне?.. Смотри, сейчас они начнут отрабатывать взаимодействие в парах.

Баскетболисты разошлись по местам, и тренировка началась.

Сначала Алекса видела лишь, что ребята похаживают, изредка пробегая с мячом, по площадке. Потом начала понимать, что они и в самом деле тренируются парами. Новичка она жалела. Если остальные баскетболисты были уверенные и заметно сплоченные, то он, несмотря на то что и ему дали в пару какого-то парня, все время оказывался на отшибе. Даже

его напарник старался не слишком близко подходить к нему. Но вскоре и новичок разыгрался, стал более оживленным, принялся даже торопить своего напарника с передачей ему мяча, а уж бросал и в самом деле прекрасно: корзина то и дело вздрагивала, пропуская его мяч. Алекса улыбнулась, ей даже самой полегчало, пока смотрела на него, потихоньку осваивавшегося, и снова разглядела Карея. Лучший — он и есть лучший. Как он двигается... Какое у него тело... И девушка вдруг смущенно подумала, что это и в самом деле приятное впечатление, когда на тебя обратил внимание лучший. Хотя она и оставалась настороже, слегка опасаясь этого внимания.

На площадке внезапно закричали.

— Ой, начинается... — охнула Лидия, сжимая кулачки.

— Что? — не поняла Алекса.

— Новенький...

Алекса метнула взгляд на новичка и машинально тоже сжала кулаки. Да что ж такое?! Тот чуть не прижался к стеклу, отгораживающему зрительный зал от площадки, и сбивал с себя прямо ладонями клочья огня! А его напарник набычился рядом и будто ждал. Чего? Когда сверху (Алекса разглядела на потолке систему кранов) прольется вода?

Новичок медленно опустил руки и с недоумением оглядел их. Огня больше не было. Удивленный напарник подошел к нему, что-то спросил — тот пожал плечами.

— Что это с ним? — вслух удивилась Лидия. — Он же должен гореть, пока...

— Но он же остановился, — опять не поняла Алекса. — Разве огонь не прекращается, когда огневик останавливается?

— Нет. Огонь прекращается, когда он берет себя в руки. А я пока не вижу, чтобы он успокоился. Что-то странное происходит. Смотри, и тренер к нему подошел. Тоже удивляется. Может, у этого новенького скрытые резервы есть? Почему же он до сих пор их не использовал?

— Что значит — скрытые резервы?

— Волевое подавление самовозгорания. Но это большая редкость — умение быстро переключаться с одной эмоции на другую. А новичок... Девочки, вы узнали, как его зовут? Ага, Рэд. А этот Рэд уже показал себя во всей красе. У него яркие эмоции, и он очень несдержанный. Не то что у Карея, — гордо добавила Лидия. — Но Рэда жалко.

Пока остальные игроки разглядывали смущенного Рэда, Карей стоял отдельно от всей группы и перекидывал мяч из руки в руку. Неожиданно развернулся и послал его в дальнюю корзину. Зал восторженно завопил. Он даже не целился, но мяч влетел в сетку корзины! Пока зрители аплодировали, чего Карей, конечно, не слышал, парень как-то незаметно ушел с площадки. Наверное, только Алекса заметила, что он перед уходом подошел к тренеру сзади, а тот, не оглядываясь, кивнул.

Алекса вдруг решила, и почему-то очень уверенно, что он сейчас пойдет искать ее. Решила и озадачилась: с чего бы это она так подумала?

Но когда поднялась из цокольного зала в вестибюль, Карей и правда ждал ее там.

Алекса еще чуть испуганно оглянулась, не поднимаются ли за ней девушки из ее группы. Ведь она заверила их, что Карей — лишь случайный знакомый. Хотя они тоже не поверили в такое знакомство... Он ждал ее за небольшим выступом крыльца на выходе, у окна, прислонившись к подоконнику. Если бы Алекса не предполагала, что он может ждать ее, она ни за что не посмотрела бы туда. Но он встретил ее взгляд, поправил на плече длинный ремень увесистой спортивной сумки и пошел к ней.

Хорошо еще, в вестибюле корпуса народу маловато. Кто-то уже ушел, кто-то сидит в читалке библиотеки. И Алекса понадеялась, что никто не заметит, как парень приближается к ней. Он подошел уже привычно молча и снял с ее плеча сумку, как будто это происходит не впервые. Она снова бегло огляделась и оперлась на предложенную ей руку. Немного не то что смущенная, но уж точно озадаченная своим положением: «Кто он мне? Кто я ему?» — девушка с трудом удержалась от желания пожать плечами. Кажется, завтра придется выдержать новую атаку любопытных одноклассниц. На улице он остановился, словно в нерешительности поглядывая на свою машину, и спросил:

— Ты сегодня очень торопишься?

— Ну... Наверное, нет, — задумчиво сказала Алекса. — Правда, все равно пойду пешком, потому что надо заглянуть в магазины и закупить продукты для дома.

— Почему этого не делает Эмбер?

Она покосилась на него. Серьезен. Как будто его очень интересует этот вопрос.

— Эмбер работает швеей, — Алекса лишь выговорила первую фразу, но уже поняла, что говорит, защищая старшую сестру. — Шьет не только на заказ, но и для магазина при ателье. Сильно устает. Она выглядит легкомысленной, но от работы никогда не отказывалась. Домой приходит — сразу бы лечь. Спину я ей постоянно лечу, ведь в согнутом положении она затекает, и просидеть так несколько часов тяжело. Мне легче. Прогулка после учебы — и все.

— Понятно. Садись. В какие магазины ты обычно ходишь?

Он открыл дверцу, и Алекса вздохнула. Нет, хорошо, конечно, что не придется тащиться с тяжелыми сумками домой... Вопрос в другом: как с ним разговаривать?! Как со знакомым? Как с близким человеком, которым, как она считала раньше, был Мэтти?

А когда дверца мягко хлопнула, закрывшись, Алекса пришла к выводу: кажется, в ее лице Карей нашел идеальную кандидатуру на место своей официальной пассии, которая ему полагается как знаменитому университетскому игроку. Ну, как-то так. Он сам признался, что ему удобно рядом с ней, не слишком расположенной поболтать. И то, что она нянчится с младшими и целый день занята домом, ему тоже на руку — меньше общения. Зато об Алексе узнают его поклонницы, приставать не будут. К нему.

Еще хорошо, что она поняла, почему он такой замкнутый: ему приходится контролировать самопроизвольные выбросы огня. Хотя она раньше считала, что огневики с самого начала учатся этому. Но сейчас выяснилось, что азартная игра может заставить их забыть обо всем на свете.

Карей сел за руль, и Алекса вернулась к реальности, к ее маленьким радостям, сегодня не надо тащить тяжелые сумки! Сегодня есть машина! И пусть не надо покупать слишком много на несколько дней вперед, потому что завтра приедут родители, и отец на своей машине будет с маминым списком в руках объезжать магазины, но сейчас Алекса была

благодарна Карею.

— Чему ты улыбаешься?

— Я довольна как слон, — призналась она. — Сегодня мне не грозят тяжелые сумки.

— А разве тот парень тебе не помогал?

— ...Мэтти подрабатывает после учебы, — с небольшой заминкой — неужели ему надо объяснять, что она из того слоя общества, где все работают? — ответила Алекса. — Сразу после пар уезжает. Он ведь на последнем курсе. Нашел место, где есть возможность в будущем работать по специальности.

Она ожидала, что Карей спросит, часто ли она с Мэтти встречалась. Но то ли ему и в самом деле больше нравилось молчать, то ли эта тема для него не представляла интереса. Ей разговор о Мэтти тоже был... неприятен, хотя закралось любопытство: всегда ли она теперь рядом с Кареем будет разговаривать, только когда он начнет беседу? Впрочем, что значит — всегда? Она до сих пор так и не понимает, кто для него. Но... Она опустила глаза. Несмотря на его молчаливость, Карей ей... интересен. Зачем она понадобилась ему? И эта его странная харизма идеального игрока... И характер, из-за которого она все время еле сдерживается, чтобы не устроить что-то хулиганское...

А еще ей стало чисто профессионально интересно, почему огневики не используют заклинания, сковывающие произвольный выброс огня. Или такое заклинание разработать нельзя? И снова плавно перешла к вопросу, который мучил ее со вчерашнего дня: Карей, оказавшийся за спиной сразу после того, как она наткнулась на целующуюся парочку; Карей, на которого вопросительно взглянула незнакомка в коридоре, — это он подстроил любовное заклятие? Зачем? Только чтобы разлучить Мэтти с ней, с Алексой? Но зачем?

Внезапно, словно отвечая сразу на все ее вопросы, Карей сказал, не отрывая взгляда от дороги:

— Ты очень терпеливая.

— Ученая. Жизнью, — не совсем поняв, что он имеет в виду, ответила она общо.

— Если я предложу тебе побыть моей подругой некоторое время, ты согласишься?

— Да, — после непродолжительной паузы ответила она.

Он снова замолчал, потом, поворачивая к указанному ею магазину, спросил:

— Почему?

Она с трудом удержала улыбку, ему все-таки любопытно!

— Ты покори мое сердце, без слов согласившись отвезти меня сюда, — чуть насмешливо ответила она.

Он остановил машину и посмотрел на нее. Тяжелый взгляд, но за ним Алекса разглядела какое-то мучительное недоумение. Кажется, он уже жалеет, что предложил ей быть его временной подругой? Девушка поколебалась, а потом хмыкнула и решилась:

— Карей, где будет проходить вечеринка, на которую ты пригласил меня?

— Я заеду за тобой.

Небольшие глаза смотрели внимательно, но Алекса с удивлением разглядела в них странную боль, а тяжелые, словно каменные, губы почти незаметно скривились — от той же боли. Сама удивленная, девушка осторожно «раскрылась» ему навстречу. Она впервые полностью выполнила это магическое действие, похожее на восприятие другого человека эмпатом^[1]. Чувства тайком проверяемого человека иной раз задевают так сильно, что проверяющий может получить эмоциональный удар. Но сейчас Алекса знала, с кем имеет дело. Карей закрыт, будучи огневиком. Значит, она узнает только те его чувства, которые для

нее безопасны. Те, что на поверхности.

А полностью она раскрылась, улыбнувшись и положив ладонь поверх его, словно благодаря за ответ.

— Спасибо.

Он кивнул, убрал ладонь из-под ее пальцев и вышел, чтобы обойти машину и помочь ей выйти. «Обходительность в крови», — ошеломленно подумала она, подавая ему руку и вставая с сиденья. Кажется, он не заметил, что ее пальцы дрожат.

Уже в магазине, бродя между продуктовыми рядами, — парень шел за нею с большой корзиной на колесиках, — Алекса успокоилась. Карей снова озадачил ее, заставив тревожиться: его глубокое одиночество перемежалось с желанием оставить все как есть (Что — все?! И как это — как есть?!), сильная необходимость в Алексе сталкивалась с готовностью отодвинуть ее в сторону, чтобы не втравливать ее — во что?.. Последнее носило оттенок... защиты? Во всяком случае, девушка это намерение расценила именно так. Очень хотелось посидеть где-нибудь и хорошенько подумать обо всем. Даже возник вопрос: Карей отвезет ее домой, а что потом? Уедет и даст ей возможность подумать, пока свежо впечатление от его эмоций? Или предложит ей как-то провести время с ним? Но он знает, что ей надо хозяйничать дома и заниматься младшими...

А потом она увлеклась выбором продуктов на полках торговых стеллажей, вспоминая, что ей нужно на несколько дней в запас и что — сразу выложить на стол. Машинально складывая отобранные продукты в корзину, которую Карей вез за ней, она услышала его голос:

— Ты положила в корзину семь порций мороженого.

— И что? — как-то не сразу среагировала она.

— Вас дома шестеро. — Он сказал это так терпеливо, словно пытался достучаться до глухого или слабоумного. — Ты не ошиблась?

Она посмотрела в корзину и фыркнула. Не только мороженого было семь штук, но и привычных для младших вкусных конфет-тянучек. Да и к чаю она взяла семь эклеров.

— Прости, Карей, — тихонько рассмеявшись над собой, выговорила Алекса, — кажется, я тебя причислила к своим домашним.

Теперь и он не удержался от лишнего вопроса:

— Как это?

— По инерции. Ну, я представила, как ты сможешь мне доехать со всей этой кучей продуктов домой, а потом я усажу тебя за стол и заварю чай. Приходя домой, я обычно пью чай. А со мной пьют чай все, кто в это время уже дома. Вот и семь пирожных. Ну и мороженого купила на тебя тоже.

После этого признания он странно посмотрел на нее, ничуть не меняя того же угрюмого выражения лица, которое, как она уже заметила, появляется, едва он начинает размышлять о чем-то. Больше вопросов не задавал. Погрузил продукты в багажник машины, и они поехали к ее дому.

Путь был короткий. Всего несколько минут, считая остановки на перекрестках на красный свет. Но Алекса по дороге успела дважды пережить страшное чувство угнетенного одиночества, когда парень задумывался и не замечал, что не контролирует свои чувства. Это одиночество обрушивалось на девушку со страшной силой, и она едва не захлебывалась в этой эмоции. Алекса даже физически ощущала силу этого странного одиночества, чувствуя, как сначала немеют, а потом слабеют пальцы. И оно же резко пропадало, едва Карей глубоко

вдыхал и, кажется, спохватывался. Ей пришлось «закрыться», когда она испугалась, не она ли виной тому, что глубоко запрятанные Кареем чувства прорвались. Вдруг ее полное «раскрытие» дало такой странный эффект?

Когда Карей вынул покупки из багажника, Алекса сумела ему улыбнуться и спросить:

— Карей, надеюсь, я не зря купила седьмое мороженое и пирожное? Пойдем. Выпьешь чая.

Она поправилась в последний момент, хотела спросить: «Зайдешь выпить чая?» Но опомнилась, потому что сообразила: задай она так вопрос — откажется немедленно.

Карей поднял глаза на дом и вздохнул. Они стояли рядом, и Алексе показалось, что она чувствует тепло его руки. И его отчаянное желание посидеть в ее доме, но не потому, что хотел посидеть именно с ней. Нет. Только бы не возвращаться к себе домой. И в то же время он очень хотел вернуться... Ничего не понимающая, она тем не менее велела:

— Закрывай машину и пойдем. Надолго не задержу.

И взяла один пакет с продуктами из его руки. Пошла по дорожке. Через пару шагов услышала за спиной, как звякнул пульт от машины, и усмехнулась. Иногда даже за мужчину надо принять решение, если он разрывается между двумя желаниями.

А в доме им обрадовался Люк. Да так, что налетел на Карей, несколько не смущаясь. Алекса даже испугалась, что он по семейной привычке прыгнет на парня, чтобы обнять его. Люк с детства много болел и до сих пор даже для своего возраста был маловат, что уж говорить о его детских замашках, если его то и дело все таскали на руках, несмотря на появление в доме малышки Венди? Ухватился за пакет, который держал парень, и начал подпрыгивать от избытка чувств.

— Карей! Карей пришел! Привет! Ты у нас посидишь?

А потом как будто испугался, что парень быстро уйдет, и побежал в столовую впереди взрослых, крича на бегу:

— Карей, ты не уходи — я тебе чай поставлю греться!

— Делать нечего — поймали! — свободнее засмеялась Алекса. — Поставь пакет здесь, я его разберу потом. А сейчас садись, жди, когда будет чай. Минут пять — не больше.

За чаем сначала молчали, но Алекса быстро сообразила, как разговаривать за столом, если один из сидящих говорить не хочет:

— Люк, а почему ты не в школе магии?

— Я был, меня отпустили. Сказали, что я должен выздороветь, а то у меня еще синяки остались.

— Когда окончишь маг-учебку, собираешься поступать в магический корпус? — спросил Карей, с удовольствием отхлебывая чай из чашки, которую Алекса определила лично для него. Парню она ничего не сказала, но решила, если они часто будут пить чай, его чашку никто не будет трогать.

— Не-а, — внезапно сказал Люк, пальцами собирая по стенкам стаканчика мороженое.

Алекса с трудом удержалась, чтобы не шлепнуть его, но Карей наконец-то смотрел с явной снисходительной улыбкой на старания мальчишки добрать сладости.

— Я буду, как папа, — сады сажать.

Карей удивленно посмотрел на Алексу, а та пожала плечами. Что из того, что трое младших ходят в детскую школу магии? Не все мечтают потом поступать в университет.

— А почему тогда ходишь в школу? — продолжал допытываться удивленный парень.

— В магишу, что ли? — безмятежно отозвался Люк. — Пригодится знать основы. Это

мама сказала, а папа сказал, что основы пригодятся и в будущей работе.

— Я думал, тебе очень хочется поступить в университет, — настаивал Карей.

— У нас в семье не давят на желания младших, — объяснила девушка. — Как ты сам знаешь, магические способности надо развивать. Без ежедневных занятий они пропадут, как пропадают и музыкальные способности, и какие-нибудь другие. Если Люк передумает к окончанию общеобразовательной школы и поступит к нам, родители возражать не будут. В нашей семье магические способности идут по папиной линии, но выбирают все сами. Как папа. Он увлекся садовым дизайном и перестал думать о магии. То же самое — Эмбер. Она нисколько не жалеет, что стала швеей. — Алекса улыбнулась. — Она у нас модница, вот и нашла себе дело по сердцу. Но пока младшие не определились со своими желаниями на будущее, мы поддерживаем в них эти способности и устроили ребят в детскую магическую школу.

— А ты посещал магишу? — с любопытством спросил Люк. — Наверное, нашу, старенькую?

— У меня были частные учителя, — ровно сказал Карей.

— Хочешь еще чая? — предложила Алекса, по его интонациям сообразив, что ему не хочется говорить об этом.

А потом она вышла проводить его до калитки. Прежде чем оказаться на улице, Карей обернулся и неожиданно спросил:

— Так почему ты легко приняла мое предложение стать моей девушкой?

— Во-первых, ты сам сказал — это лишь на время, — спокойно ответила девушка. — Во-вторых, когда я увидела Мэтти и Эмбер там... ну, в той комнате, мне стало обидно. Но в то же время я вдруг поняла, что Мэтти рано или поздно ушел бы от меня, хотя девушки не должны говорить об этом своим парням, но тебе я это скажу. Это было как озарение — поверх обиды. И, думаю, я права, если могу с тобой говорить об этом.

Кажется, ответ на этот вопрос его очень волновал.

— Я не хочу тебя оскорбить, Алекса, — тяжело сказал он. — Но значит ли, что ты не будешь...

Он замолчал, видимо, не зная, как выразиться.

— Я слышала, что дружба между мужчиной и женщиной невозможна, — снова спокойно сказала Алекса. — Но, по-моему, то, что между нами происходит, и есть такая дружба. Тебе я нужна совсем не для близких отношений. Я это принимаю. Тебе что-то нужно. Возможно, я могу тебе помочь в этом. А после внезапного расставания с Мэтти как раз такие деловые отношения помогут и мне. Да, я не буду кричать и плакать, не буду устраивать тебе сцен, когда придет время расстаться. Если ты хотел это услышать.

— Да, это. Спасибо.

Он повернулся и сел в машину. Алекса постояла у калитки, внутренне опустошенная и вымотавшаяся, словно все-таки устроила сцену, в которой выложилась до последнего чувства. А ведь вечером еще надо будет поговорить с Эмбер.

И лишь через час поняла, что оглушительное чувство одиночества, которое она испытала, прикоснувшись к его ладони, оставило отпечаток в ее душе. Теперь она мысленно постоянно обращалась к Карею, пытаясь понять его. А когда она приготовила ужин и осталось лишь позвать к столу младших — Эмбер с Венди еще не появились дома, девушка поняла еще одно: на этом ужине ей будет не хватать Карей. С недоумением она решила, что просто привыкла к нему, и на этом пока успокоилась... Ключевое слово — пока. Потом она

поняла и это.

Встретив старшую сестру и помогая малышке Венди переодеться в домашнее, Алекса думала обрывочно, не слишком ли она была самонадеянной, так легко ответив Карею. И досадовала, что ответила сразу, не попросив времени на раздумья. Вопрос-то серьезный. И вдруг поразила: она уже думает о том, что боится расставания?!

Попытавшись представить его замкнутое лицо, его холодные глаза, разглядывающие ее сверху вниз, она еле заметно вздрогнула от укола в сердце. Хорошо еще, именно этот момент выбрала Эмбер, чтобы заискивающе заглянуть в глаза сестры:

— Алекса, тебе не кажется, что мы можем поговорить чуть позже? Я, конечно, знаю, что ты хочешь расставить все по местам, но...

— Эмбер... Да, пусть попозже... — рассеянно ответила девушка.

И нахмурилась, прислушиваясь к себе. Потом отступила на шаг от стола, за которым счастливо смеялась Венди, перемазанная мороженым, оглянулась, сама не понимая, что происходит... И бегом рванула из столовой к себе.

Она влетела в комнату и мгновенно оказалась у зеркала. Снова представила перед внутренним взглядом Карея и немедленно пришла в ярость. Вспомнила, в чем была, когда приехала из университета, быстро перерыла одежду — ничего не нашла. Бросила взгляд на сумку, схватила ее и рывком перевернула. Мелкие вещи выпали почти сразу. Потом девушка быстро перетряхнула сумку еще раз и напоследок обшарила ее маленькие кармашки. Нашла! Миниатюрная, как для этикеток, булавка была прикреплена к самому нижнему шву кармашка. Да как он мог?! Они же договорились, что будут друзьями! Или для него эта договоренность — всего лишь уловка?! Но почему такие сложности?! Нашел бы себе кого-нибудь податливее! Есть же среди студенток красивые девицы, согласные на любые отношения с университетскими спортсменами, что ни для кого не секрет!

Зачем?! Зачем ему насильно влюблять ее в себя?!

— Остынь, — прошептала Алекса, с трудом унимая возбуждение и злость. Но чувствовала: сорвалась так, что успокаиваться придется долго. Делать нечего, пошла в ванную комнату, умылась холодной водой. Потом села на стул у распахнутого настежь окна, долго вдыхала свежий, насыщенный запахами оттаявшей земли и мокрых сучьев воздух и некоторое время смотрела на приближающийся вечер: на солнечные пятна в паутине корявых теней от ветвей яблоневых деревьев; на сами деревья, которые становились отчетливо черными; на синиц, порхающих с ветки на ветку, задорно пересвистываясь.

Успокоилась. Взяла со стола булавку, положила на ладонь, другой словно на весу собралась прикрыть ее. Закрыла глаза. Голова холодная. Как на экзамене. Мысли четкие и собранные. Представила себе стандартную структуру любовного заклинания. Наложила на чувственно ощущаемую кожей булавку. Выждала. Перед глазами началось движение: стандартная структура постепенно менялась, наполнялась цветом и звуками. Внутренним взглядом Алекса следила за преобразованием, стараясь не подгонять его скорость. Запомнила, каким образом распространяется влияние и какова его сила.

— Мастер, — выговорила она.

Перед закрытыми глазами снова та девушка, в том же черно-красном платье.

Алекса открыла глаза и снова закрыла. Мысленно повторила получившийся узор любовного заклинания и добавила к нему три мысленные линии. Теперь она знает, чего хочет Карей, и будет вести себя соответственно до того момента, когда придется раскрыться... Глубоко вздохнула и встала со стула. Булавку вернула на место, чтобы он не догадался, что ее

уже обезвредили.

И мелко затряслась от смеха. Идти вниз и разговаривать с Эмбер?! Ужас.

Снова выглянула в окно. Светло будет еще с час.

Алекса сгребла со стола учебники вместе с конспектами и спустилась в гостиную.

— Ты куда? — удивилась Эмбер.

— В сад, — бесстрастно сказала Алекса. — У нас завтра контрольная. Поговорим потом, ладно? А сейчас мне надо подготовиться.

— Ну иди, — недоуменно отпустила ее старшая сестра.

Но даже в любимом местечке, в беседке-портике, Алекса не смогла сразу сосредоточиться на учебных предметах. Сначала пришлось посидеть, проникаясь атмосферой безмятежности этого уединенного уголка. Потом не удержалась и снова вызвала перед внутренним взглядом лицо Карея. Оно появилось быстро, но как-то размыто. Девушка немного удивилась, но списала неясное изображение на свое слишком взволнованное состояние. Попробовала еще пару раз, разглядела лицо парня, которое в следующие мгновения как-то расплывалось. И решила, что хватит на него тратить время. Пока все не разъяснится, она больше не будет думать о его желании поймать ее на любовное заклинание. Успокоив себя таким образом, немного обиженная Алекса уткнулась в учебники.

...Мобильник зазвенел неожиданно, но прервал девушку, когда она уже чуть ли не носом водила по строчкам, пытаясь читать в темноте и не замечая того.

— Да? — спросила она, отмечая незнакомый номер.

— Я заеду через полчаса, — сказал медлительный, тяжелый голос. — Успеешь за это время собраться, чтобы пойти со мной в ресторан?

— Что-о? — возмутилась Алекса и вспомнила, что она влюблена в него. — А-а... Наверное, успею. Но мы туда надолго? Мне еще надо подготовиться к завтрашней контрольной, а я...

— Успеешь, — невозмутимо пообещал ей все тот же голос. — И не забудь забить этот номер в телефонную книгу. Все. До встречи.

— До встречи, — машинально откликнулась Алекса, хватаясь за свои горящие щеки.

Теперь она ворвалась уже в дом.

— Эмбер!!

— Чего ты кричишь? — с недоумением спросила сестра, выходя из столовой. — Я здесь. Мыла посуду.

«В кои-то веки!» — скептически подумала Алекса.

— Эмбер, что надевают в ресторан?

— А-а... Что... В ресторан? Быстро к тебе!

И они вдвоем помчались по лестнице на второй этаж.

Как смутно предполагала Алекса, у нее самой ничего не нашлось. Эмбер за руку притащила ее в свою комнату. Фигуры у сестер были одинаковые, так что Алекса вскоре вертелась перед зеркалом, удивленно и радостно глядя на элегантную девушку напротив.

— А ведь на послезавтра меня пригласили на вечеринку, — задумчиво сказала она.

— И ты молчала! — возмутилась старшая сестра. — Ну, знаешь ли! Где она будет?

— Не знаю. Но очень боюсь, что в частном доме.

— По такому случаю я тебе быстро красоту сошью! — обрадовалась Эмбер.

Алекса снова взглянула в зеркало и неожиданно подмигнула сама себе: а то не ясно, что Эмбер постарается таким образом вымолить себе прощение у младшей сестры. Ей всегда

легче было что-то сшить, чем говорить о чем-то серьезном.

— Хорошо, — спокойно сказала Алекса. — Сшей. Но сейчас ты мне должна помочь вот в чем. Ресторан не ресторан, но я хочу быть вооруженной.

И села на кровать сестры.

— Ты в этом опытнее меня. Расскажи, как надо устраивать скандалы.

— На это времени маловато, — с сомнением сказала уже изумленная и совершенно заинтригованная сестра. — Но могу рассказать, что надо делать, если к тебе начнут лезть.

— Самое то, — заявила Алекса.

— Хорошо.

Старшая сестра села рядом и поджала губы, вспоминая.

— В первую очередь предупреди громко и четко, чтобы не приставал. Если не понял, при возможности отпрыгивай, а потом хватай и бей посуду. Обычно нормального человека это быстро приводит в себя. Если ситуация серьезнее, бей все подряд и побольше. Надеюсь, вы будете не в кабинете. Если в кабинете, есть пара уловок чисто ведьминских, но ты сама знаешь, что большинство из них под запретом, пока у тебя нет диплома. Поэтому бей окна и посуду. Разбивающаяся посуда искажает пространство, но заглушает человеческую агрессию. А окна — можно позвать на помощь, что остудит любого, кто полезет к тебе.

— Буду надеяться, что мне не придется этого делать, — пробормотала Алекса.

Эмбер осталась на крыльце, а Алекса, нервно сжимая в руках ее сумочку, куда только и вошли мобильник с магической защитой, помада и расческа, неторопливо шла по плитам дорожки к машине, которая виднелась сквозь решетки забора. В ушах до сих пор стояли последние встревоженные слова Эмбер: «Не забудь — если что, начинай орать. И еще не забудь, что каблук — главный друг девушки! А твои весенние туфли — самое то!»

Старшая сестра даже не спросила, почему Алекса решила, что в ресторане ей придется защищаться от домогательств. Но Алекса не могла по-другому объяснить любовный приворот, наведенный на нее Кареем. Предполагала плохое, не представляя жизни знаменитых баскетболистов и вообще игроков, а потому... Алекса ему понравилась, но она не принадлежит к высшему слою общества, что и он, а значит, с ней можно позабавиться и забыть. Ну, если грубо... Такой Алекса видела ситуацию, хоть и обидно было даже думать так.

Карей встретил ее у машины и молча придержал дверцу, да еще подал руку, чтобы она села с комфортом. Строгость его серого костюма смягчало легкое кашне. Уже в машине девушка разглядела, что оно темных красных тонов. Карей ничего не сказал по поводу ее одежды. Но его лицо смягчилось, когда он задержал на ней взгляд, и Алекса успокоилась. Эмбер отдала ей свой светлый плащ, который, затянутый пояском, неплохо подчеркнул талию. Длинный шарф, укрывший шею в несколько небрежных оборотов, согревал в поздний весенний вечер и одновременно ненавязчиво подчеркивал распущенные темные волосы Алексы. Под плащом пряталось прямое темно-зеленое платье, слегка расклешенное книзу. Довершала наряд короткая нитка жемчуга на шее.

Машина тронулась с места.

Продумывая, как себя вести, Алекса до приезда парня успела кое-что проверить с любовным приворотом. Она оставила его, как есть, но внесла поправку. Теперь ей не надо будет притворяться влюбленной. Она такой будет, но под контролем. То есть она раздвоилась. Та часть ее сознания, которая теперь находилась под воздействием приворота, была слегка отстранена от общего сознания, которое внимательно наблюдало за ней. На свет словно появились две Алексы. Одна влюбленная, другая — наблюдающая. Такие коррекции вносили на лабораторной работе, проверяя действие приворота. Но на практике, а тем более в жизни, девушка пока не применяла свои знания. Теперь попробовала. И ничего не понимала. Приворот не действовал! Может, она сделала с его структурой что-то не то? Ошиблась в расчетах? Нет. Курс любовного приворота был не далее, как в первом семестре, и сдала она его на «отлично». Так в чем дело? Но самое главное: что делать ей?! Как себя вести с Кареем?! Притвориться влюбленной, как требовал приворот, или не надо?!

Растерянная, Алекса попыталась выбраться из ситуации, поглядывая на Карея исподтишка и пытаясь определить, не ждет ли он от нее какой-нибудь реакции. Но парень был привычно бесстрастен и спокойно вел машину. Измучившись из-за странного положения, Алекса в конце концов мысленно махнула рукой. Если что-то не работает, пусть сам думает, почему так происходит. «Буду надеяться, он решит, что приворот не сработал из-за какой-нибудь ошибки!» — сердито постановила она и уставилась в ветровое стекло. Впереди еще одно чисто бытовое испытание. За столом она вести себя умела, но не любила, когда приходилось делать это в таком месте, где ни разу не была. Ресторан. Придумал ведь,

где назначить свидание. Да и свидание ли это? Повел бы в кафе...

И молчит. Алекса и сама помолчать любит. Но в такой ситуации. Ладно, хоть глянул разок — одобрил ее наряд.

Та-ак... Это что за мысли? С чего бы вдруг ей захотелось одобрения Карея? Может, она сама что-то перепутала и приворот все-таки действует?.. Алекса мрачно насупилась.

Пожалуй, стоит выбросить эту булавку вообще на фиг, притворившись, что не поняла, кем приворот наведен. И не нервничать.

Дорога неслась навстречу машине, под ее колеса, и девушка постепенно загляделась на ровное движение, которое и успокоило ее.

Карей припарковался чуть сбоку от дверей в ресторан и помог Алексе выйти. Холодный к вечеру ветер сильным и быстрым порывом взметнул волосы девушки. Она невольно схватилась ладонями за голову в попытке прижать растрепавшиеся волосы и засмеялась. Парень удивленно взглянул на нее, но тоже улыбнулся. Подбежавший к ним служащий сел за руль и уехал, а Карей повел спутницу в ресторан.

Поневоле настороженная, на пороге Алекса крепко вцепилась в его руку, то и дело вздрагивая, и разок с удивлением почувствовала, как Карей, не поворачиваясь, похлопал ее по руке, утешая. Ничего себе...

Но при входе в ресторан ничего страшного не случилось, чего так боялась девушка. Не почувствовала она и неловкости, войдя в заведение, в котором ни разу не была. Обслуживание оказалось на уровне, как сказал бы отец. К ним сразу подошли и помогли Алексе освободиться от плаща. Ее спутнику сдавать в гардероб было нечего, и он просто стоял рядом.

Карей снова предложил Алексе, успевшей привести волосы в порядок, руку и повел в зал, где ее, как минутой позже выяснилось, все же ожидало потрясение. Они пересекли почти все помещение, и девушка уже напряглась в тревоге: неужели она права — и он заказал отдельный кабинет? Но Карей подвел ее к столику возле окна, закрытого так, чтобы только клиенты могли видеть улицу, а не прохожие посетителей. Подвел и тем же безразличным голосом сказал:

— Знакомьтесь. Алекса — моя подруга. Эти двое, Алекса, мои родители.

Седой мужчина, к которому ближе всех оказалась изумленная девушка, встал с места и, приподняв ее руку, поцеловал:

— Очень рад, что у моего сына такая очаровательная девушка.

Блондинка, очень моложавая, в открытом платье сдержанно золотистого цвета, сидевшая напротив него, слегка улыбнулась девушке, с трудом взявшей себя в руки. Сейчас Алексе хотелось лишь одного: махнуть как следует сумочкой и ударить Карей! Но она подавила порыв и села на предложенный им стул, деревянно улыбаясь его родителям. Она не сразу сообразила, что Карей усадил ее между собой и матерью.

Минуты три ошарашенности, и девушка поняла, что чувствует себя с этими людьми очень свободно. Мать Карей, негромко беседуя с ней, легко вывела разговор на тему дома Алексы. И хотя за язык ее никто не тянул, девушка вскоре обнаружила, что спокойно рассказывает о сестрах и братишке. Но по-другому вести себя с этой улыбчивой и легкой в общении женщиной было невозможно. Когда она чувствовала что-то смешное, она смеялась так, что девушка поневоле смеялась вместе с нею. Когда она внимательно смотрела в глаза, Алекса ощущала искренний интерес к своему рассказу.

Но и раздвоение на влюбленную и наблюдателя пришлось кстати.

Та часть Алексы, что уже всю болтала о семье, была чуточку легкомысленной и милой, как того явно хотели родители Карея. Но Алекса-наблюдатель очнулась быстро и начала подумывать, не попробовать ли просмотреть невидимые нити, связывающие окружающих ее людей, чтобы проследить, не хотят ли чего от нее лишнего.

А еще... Ей все чудилось, что родители Карея не просто дружески болтают с ней, искренне заинтересованные узнать о ней побольше. Ей хотелось просмотреть их взаимные связующие нити, но она боялась. Семья Карея, как она уже знала, была союзом двух старинных магических родов. И, попробуй она влезть в пространство и рассмотреть нити, они сразу это почувствуют. Если они естественно себя ведут — обидятся. Это невежливо — прощупывать едва знакомых людей на их потаенные мысли.

Девушка только успела съесть предложенный матерью Карея салат, как его родители поднялись, и отец, доброжелательно улыбаясь, склонил голову:

— Вам наверняка хочется посидеть вдвоем. Мы прощаемся с тобой, милая Алекса, и очень надеемся на новую встречу в нашем доме послезавтра. Ты ведь придешь? Карей сказал нам, что уже передал тебе приглашение на вечер.

— Да, конечно, приду, — пролепетала девушка.

— Ты прелесть! — воскликнула мать Карея и послала ей воздушный поцелуй.

А потом взглянула на мужа. Алекса в это время повернулась к Карею и поразились: он смотрел на родителей с такой безнадегой, что даже не скрывал этого. Или не мог скрыть?.. Попыталась увидеть его родителей его глазами, снова повернулась к ним и замерла: оба старших Тиарнака переглянулись, и отец Карея кивнул жене. Что-то вроде: «Да, это все так». Или: «Это именно то, чего я ожидал». Не глядя больше на сына, оба пошли к выходу.

Совершенно выбитая из колеи Алекса проследила, как они легко передвигаются по залу. И повернулась к Карею. Тот покосился на нее, и его лицо приняло такое кислое выражение, что Алекса собралась с силами и про себя решила: «А вот фиг тебе! Не буду ни в чем обвинять! Когда-нибудь, конечно, может, и припомню тебе это, но только не сейчас, когда ты ждешь от меня традиционной реакции на неожиданность! У-у...»

— От всех этих треволений мне захотелось есть, — со всей легкомысленностью, какую только могла изобразить, сказала Алекса. — Что ты заказал? Это будет горячее?

Неожиданно Карей, сидевший близко, положил на ее ладонь свою.

— Алекса, прости меня, что все получилось так внезапно. Я рад, что ты понравилась моим родителям.

Он опять сбил ее с толку. Девушка, улыбаясь, закивала: мол, все в порядке, но призадумалась. А если его родители строго следят за девушками своего сына? Может, каменность Карея не просто оттого, что ему приходится сдерживать собственный огонь? Может, он испытывает на себе домашний деспотизм со стороны родителей, которые жестко регламентируют его жизнь? Это с нею они ласковы и вежливы, но каковы они дома? А вдруг их доброжелательность — всего лишь светская маска?

Ой, лучше об этом не думать, а то в такие дебри уведет...

Хуже, что потом, когда вроде Карей должен был смягчиться и расслабиться без контроля со стороны родителей, он замкнулся еще больше. Так что, когда принесли заказ уже для них двоих лично, Алексе пришлось ухаживать и за собой, и за ним, стараясь, чтобы он поел хоть что-то. Она все уговаривала его съесть ложечку того-этого, как вдруг вспомнила кое-что и прыснула, прижимая ладони ко рту.

— Ты что? — тяжело спросил Карей. Он даже сомкнул брови, глядя на нее,

пофыркивающую от смеха в ладони.

— Вспомнила, как уговаривала проглотить хоть что-то Дэйзи, после того как она переболела ангиной. И тебя так же уговариваю. Карей, ну съешь хоть кусочек! Вкусно же! — снова принялась упрашивать его девушка.

Карей неожиданно отвернулся в сторону, но не успел «спрятаться», и лицо его вдруг исказила такая ненависть и мука, что Алекса мгновенно прекратила смеяться. И замолчала, глядя, как он глубоко вдыхает, заставляя себя успокоиться. Наконец его лицо снова обрело чуточку надменное выражение, и он скользнул взглядом по столу.

Алекса посидела, следя за этим взглядом, который то ли рассеянно, то ли бездумно время от времени останавливался на столовых приборах. Понаблюдала, а затем взялась за свое блюдо. Дома она, как и все дети, не испытывала голода. Отцовская работа приносила неплохой доход, будучи востребованной в их пригороде. Но оставлять нетронутыми заказанные блюда не собиралась. Карей, может, и ест такие каждый день, но ей и вкусно, и любопытно попробовать неизвестные блюда. А он... как хочет. И Алекса принялась есть даже деловито, прислушиваясь к вкусовым ощущениям и приглядываясь, сможет ли повторить такое дома.

Время от времени она посматривала на Карея, который сидел, уже опустив глаза на свою тарелку. И встретила с ним взглядом, когда он неохотно снова взглянул на нее.

Может, она была права в прошлый раз, когда от души крикнула ему, что ей некогда разбираться с закомплексованными мальчишками? Такого затравленного взгляда она не видела ни разу, даже тогда, когда Люк в слезах прибежал жаловаться, что его после уроков в магии подкараулили тамошние «старички» и отлупили как новенького. Что же происходит в этой семейке (а по-другому она уже не могла называть семью Карей), если у взрослого здорового парня такой взгляд?!

— У нас есть возможность просто погулять? — спросила она, с сожалением глядя на остальные блюда.

Теперь он проследил за ее взглядом. Спустя длительную паузу он сказал:

— Я дважды спросил у тебя, почему ты согласилась стать моей подружкой. Ты сказала о многом, но не сказала ничего...

Он запнулся. Вздохнул.

— Нравится ли тебе быть рядом со мной, — последнее предложение он проговорил с усилием.

Ничего не поняла. Если даже у него авторитарные родители, они ведь только что одобрили ее как девушку своего сына. Почему же он простейший вопрос: «Нравлюсь ли я тебе?» — переиначивает в глупость?

Ну ладно. Получай.

— Несмотря на твои странности, ты мне очень нравишься.

— Лучше б я не спрашивал... — прошептал он.

Она не успела обозлиться, хотя возмущение нарастало волной, и Алекса чувствовала себя на грани.

— Можно пригласить тебя потанцевать?

— Пригласи, — буркнула она, абсолютно ничего не понимая.

В небольшом зале напротив, который был слегка скрыт тяжелыми занавесями, и в самом деле медленно кружились пары. Алекса только оглянулась посмотреть, куда Карей ее приглашает, а он уже очутился рядом. На этот раз он не стал предлагать ей опереться на

его руку. Просто протянул. Она взялась за его ладонь, и он поднял ее. Замер, будто прислушиваясь к ее руке, не отпуская, а потом хмуро сказал:

— Прости, Алекса. Свои странности смогу объяснить только послезавтра. — Только было повернулся к танцевальному залу, но снова посмотрел на девушку и добавил: — Я постараюсь сдерживаться, чтобы тебе не было неприятно.

— Лучше бы уж наоборот, — проворчала, не выдержав, Алекса. — Взял бы да выпустил пар. Было бы любопытно посмотреть, как ты это делаешь.

— Огневикам, особенно таким сильным, как я, нельзя выпускать пар, — ответил он, ведя ее за руку же к залу. — Всегда есть опасность перегореть.

— Но ты правда все объяснишь послезавтра?

Он на ходу оглянулся на нее:

— Да.

Танец, в который они вошли с ходу, был спокойным, но для Алексы много говорящим. Сначала Карей держал ее, чуть отстраняя от себя. Потом вдруг застыл на месте, глядя на девушку, которая вынужденно тоже остановилась и с недоумением смотрела на него, и быстро шагнул ей навстречу. Теперь он держал Алексу, почти прижимая ее к себе, и выглядел более спокойным. Но, поглядывая на него время от времени, она видела: что-то тяжелое застоялось в его глазах. И думала: «И это он мне тоже объяснит. А забудет — напомню».

А потом и вовсе забылась, ладони-то на его плечах (он снял пиджак, оставив его у стола), и большим пальцем правой руки она чувствовала, как торопливо бьется жилка у него под ключицей. Выглядит каменным, но внутри, кажется, бушует буря?.. И это было завораживающе — ощущать, как мягкими толчками в ее пальцы стучит тревога Карей.

Он все-таки выплеснул.

Привез ее домой, и они вышли из машины. Вокруг тихо, уютно, темно и спокойно — пригород же. Даже ветер еле слышно скользил по ветвям деревьев, лениво перебирал мусор, скопившийся у бордюра вдоль дороги... Парень помялся, стоя рядом с Алексой и глядя то на нее, то на дом, весело светящийся окнами. Глядя на них, девушка сразу подумала: «Та-ак, сейчас кому-то влетит, что вовремя спать не ложатся!»

— Ты рано ложишься спать? — неловко спросил Карей.

— Нет. Хочешь — можем...

Она не успела предложить ему погулять по саду. Чуть поодаль остановилась машина, плохо видимая в свете здешних уличных фонарей. Они оба повернулись к ней, потому что стукнула дверца, и от машины к ним поспешила фигура.

Слегка подняв брови, Алекса удивилась. Мэтти? Что он делает здесь так поздно? Пришел к Эмбер? Но Эмбер как раз ложится рано. И чуть не вскрикнула, когда каменные пальцы сжали ладонь так, что ей показалось — расплющили. И одновременно услышала участившееся дыхание.

— Добрый вечер, — сказал Мэтти. — Алекса, нам надо поговорить.

— Уходи.

Неожиданно низкий и напряженный голос за спиной и над головой заставил вздрогнуть даже девушку.

— Ей некогда тебя слушать.

— Но я всего лишь хотел... — запротестовал было забеспокоившийся Мэтти.

Алекса от странного всхлипа за спиной быстро обернулась.

И подпрыгнула на месте, снова оборачиваясь назад!

Машина Мэтти взорвалась изнутри! Как будто мощную взрывчатку подложили в ее самую середину — и не под нее, а вовнутрь. Огненным фонтаном брызнуло во все стороны все то, что осталось от машины. С деревьев взлетели в темное небо черные птицы: грачи, галки, вороны — и в панике загалдели, заметавшись над огненным заревом. И взревел костер, который, впрочем, быстро сжался до локального очага. Правда, огонь все равно жестко и громко трещал, пожирая остатки машины. Но пламя уже до ветвей деревьев не дотягивалось... И это было так ужасающе — ослепительно-желтое пламя на темной по-вечернему, только что мирной улице... И только сейчас стало слышно, что кто-то быстро и задыхаясь говорит одно и то же.

— Что... Что... наделал?.. Что ты наделал?! — чуть не заикаясь, повторял Мэтти.

Ошеломленная Алекса тем не менее спохватилась, оглянулась на Карея. Тот все еще частил с дыханием. А в застывших глазах огонь от сожженной машины плескался такой... набатный, что девушка запаниковала, вспомнив его слова, что можно перегореть. Она не совсем поняла смысла слов, но смутно представляла это как что-то ужасное для самого огневика. Только поэтому она быстро схватила Карея за руки:

— Карей, успокойся! Успокойся!

А он, как будто получив разрешение, мгновенно притянул ее к себе и обнял, горячей ладонью прижимая к груди ее голову, к которой склонился подбородком. Сжавшись, испуганная, но уже с облегчением понимая, что с ним, кажется, будет все в порядке, она покорно подчинялась ему, лишь бы успокоился. Только раз Карей поднял голову, она почувствовала, как проехался его подбородок по ее волосам, и макушке стало холодно (странно, что она подмечала в тот момент такие мелочи). И угрюмо, но спокойно сказал поверх ее головы:

— Ты... Сейчас полиция приедет, разберемся без Алексы. Понял? А потом... Поедем в круглосуточный автомагазин выбирать тебе машину. Но к Алексе не смей приближаться и тем более заговаривать с нею, понял?

Девушка не успела среагировать на ситуацию и на его слова, как Карей снова сильно сжал ее в своих объятиях и отпустил, подтолкнул к калитке:

— Иди. Не надо, чтобы твое имя трепали. И своим скажи, чтобы не выходили.

Последнее оказалось своевременным. Она еще хотела запротестовать, что останется с ними, а то как бы они без нее... Но уловила краем глаза, что на крыльце появился свет, и испугалась, что сейчас выскочат младшие.

— Мэтти, извини... А ты, — она погладила Карея по щеке, — не злись больше. Пока!

Он перехватил ее на движении к калитке и быстро поцеловал, получилось куда-то близко к виску. И оглянулся на Мэтти. «Ну, Карей!..» — в сердцах подумала Алекса, не зная, как выразиться по поводу неожиданного проявления собственничества. Совершенно необоснованного, между прочим! Закрыв калитку, она побежала к крыльцу, на котором уже шевелились несколько фигур.

— Алекса! — встретили ее на ступенях. — Что там случилось?! Что это горит?!

— Быстро все в дом! — скомандовала она, успев схватить за воротник Люка, едва не пролетевшего мимо, и подталкивая к входной двери Дэйзи, чуть не юркнувшую между нею и Джесмин. — Эмбер, чего стоишь? Помоги их всех домой завести! Быстро!

Лично заперла входную дверь и объявила:

— Лучше пока не выходить. На перекрестке небольшая авария. Полиция вот-вот будет здесь. Слава богу, не у нашего дома.

— Авария... — разочарованно протянул Люк, кажется, купившись на слово «небольшая». — Неинтересно.

Он пошел наверх, на второй этаж; недовольные младшие девочки потянулись за ним, но на всякий случай Алекса спрятала ключ от входной двери в карман своего плаща.

Эмбер взглянула на нее, но промолчала, пока они не остались вдвоем.

— Что случилось? — прошептала она.

Алекса сняла плащ, сбросила туфли и разогнулась. Покусала губы, пытаясь подобрать слова, чтобы не прозвучало слишком дико. Потом пожала плечами («Почему я должна кого-то жалеть?») и выложила все, как есть:

— Мэтти подошел поговорить со мной. Карей обозлился и сжег его машину.

— Ой... — Эмбер испуганно прижала ладони ко рту. Постояла так немного и нерешительно спросила: — И что теперь?

— Насчет Мэтти не знаю. Карей сказал, что купит ему машину. Как компенсацию, я так поняла. А вот что делать с Кареем...

— А почему ты должна что-то делать с ним? — удивилась Эмбер, легко переходя из одного настроения в другое. — Нормальные мужские реакции на появление чужого самца — ревность и соперничество. Здорово же.

— Эмбер! — возмутилась Алекса. Но утихла, поняв, что сама спровоцировала ее реплику. Постояла, соображая, что делать дальше. Ничего не придумала и, хмурая, немного сбитая с толку, пошла к лестнице наверх.

— Алекса, — предупреждая сказала сестра, — не вздумай глупить и отказываться от дружбы с Кареем. С Мэтти я поговорю сама.

— Почему я не должна отказываться от дружбы с Кареем? — вызывающе спросила девушка. — Потому что он из богатой семьи? Потому что слишком влиятелен?

— Наивная, — миролюбиво снизошла сестра. — Сама подумай. Я, конечно, лицо заинтересованное, но, положи руку на сердце... Ты могла бы ждать такого поступка от Мэтти? Хоть чуточку? Хоть капельку такого чувства к тебе, как у Карея?

— А мне такое надо? — остановилась девушка. — Чтобы он так со мной себя вел? Ты сама говоришь — самец! А я не хочу, чтобы рядом со мной был человек, который...

— Алекса! Прежде чем договоришь, лучше подумай для начала. Если ты хочешь от дружбы чисто дружеского отношения, то — да. Можешь заявить Карею что угодно и остаться в одиночестве. Но если хочешь глубокого чувства, уступи. Перетерпи. Не повторяй моих ошибок.

Уже рассерженная, Эмбер встала на одной ступеньке с Алексой.

— Что-то я ничего не поняла.

— Все очень просто. Ты считаешь унижительным для себя поступок Карея. Я не знаю, как там у вас именно все происходило, но знаю одно: прежде чем вставать в позу, попробуй понять его. Ты женщина и со своей колокольни смотришь на него. Думаешь, что он будет вести себя так, как повела бы себя ты. Но он мужчина. У него другое воспитание. Другое восприятие действительности. Там, где ты видишь самца, что тебе не нравится, это и есть мужское восприятие. Мужчины больше собственники. И они любят превосходство во всем.

[Купить полную версию книги](#)

Эмпат — человек, у которого развита способность к сопереживанию (*греч.*).